

Российская Академия Наук
Институт философии

Лариса Киященко

СОБЫТИЕ. ЛИЧНОСТЬ. ВРЕМЯ
(К философии трансдисциплинарности)

Москва
2017

УДК 101.9
ББК 87.2
К 46

В авторской редакции

Рецензенты

д-р филос. наук *Г.Б. Гутнер*
д-р филос. наук *В.Н. Порус*

К 46 **Киященко, Л.П.** Событие. Личность. Время (К философии трансдисциплинарности) [Текст] / Л.П. Киященко ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2017. – 113 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 102–111. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0326-0.

Событие, личность, время – ключевые слова в названии монографии – дают подсказку для понимания особенностей философского размышления, намечающего путь к философии трансдисциплинарности. Они выступают в виде реперных точек, взаимодействуя друг с другом, раскрывают свой смысл по типу модели тройной спирали (triple helix). Эта модель налаживает отношения между оппозициями трансдисциплинарного взаимодействия, помогает решить проблему целостного восприятия мира в жизненных обстоятельствах.

Монография предназначена для профессиональной аудитории экспертов в области философии науки, а также всех, интересующихся философскими проблемами науки как познавательными и культурными явлениями.

ISBN 978-5-9540-0326-0

© Киященко Л.П., 2017
© Фомин В.Я., оформление, 2017
© Институт философии РАН, 2017

Содержание

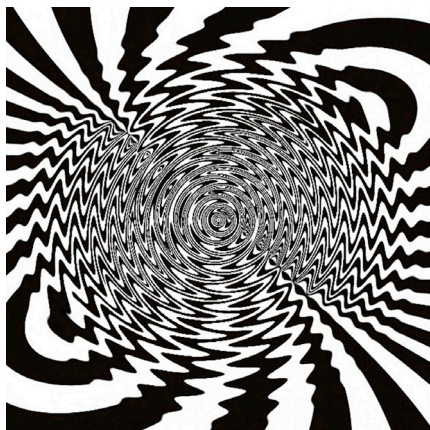
Введение. Биоконцептография. Тематизация проблемы трансдисциплинарности	5
1. Парадигмальность трансдисциплинарности – сущее и видимое	16
2. Хронотоп опыта трансдисциплинарности	34
3. Поиски определения события в событиях своего времени	52
4. Измерение личности и личностное измерение – диспозиция выбора	64
5. Этнос, логос, пафос – риторика философии трансдисциплинарности (вместо заключения)	82
Список литературы	102

Table of contents

Introduction. Bioconceptography. Thematization of transdistsiplinarity problem	5
1. Paradigm of transdisciplinarity – the existing and the visible	16
2. Chronotope of transdistsiplinarity experience	34
3. Search of definition of an event in events of the time.....	52
4. Measurement of the personality and personal measurement – disposition of the choice	64
5. Ethos, logos, pathos – the rhetoric of transdistsiplinarity philosophy (instead of conclusion).....	82
Bibliography	102

ВВЕДЕНИЕ. БИОКОНЦЕПТОГРАФИЯ

**Тематизация проблемы
трансдисциплинарности**

Помни, путник, твоя дорога,
только след за твоей спиной.
Путник, нет впереди дороги,
ты торишь ее целиной.
Целиной ты торишь дорогу,
тропку тянешь ты за собой.
Оглянись! Никогда еще раз
не пройти тебе той тропой.
Путник, в море дороги нету,
только пенный след за кормой...

Антонио Мочадо. Путник

Истоки биоконцептографии. Событие, личность, время – ключевые слова в названии монографии, дающие подсказку для понимания особенностей философского размышления, выстраивающего подход к философии трансдисциплинарности. Они выступают в виде реперных точек, на которых в динамике возможностей их соотношения может основываться шкала измерений прокладываемого пути. Принципиальным моментом выбранного ракурса рассмотрения является возможность параллельного отслеживания личного авторского осознания этого движения – из перспективы первого лица, и отстраненной рефлексии над тенденциями развития постнеклассической науки в целом – из позиции третьего лица. Контрапункт выбранных ракурсов, их одновременное со-звучие рождает сложную полифоническую стилистику изложения содержания книги. Тематизирующие рассуждения о словах «событие», «личность» и «время» раскрывают семантику путем взаимной интерпретации (отображения друг в друге), взаимодействуя друг с другом по типу модели тройной спирали (Triple

Helix), которая, как известно, была использована не только в биологии, но и в концепции трансдисциплинарного взаимодействия университетов, бизнеса и правительственных структур Генри Этцковича. Модель тройной спирали как методологический прием, с моей точки зрения, предоставляет возможность отслеживать попеременно и выборочно динамику соотношения выделенных двух оппозиций в их рефлексивном отображении в третьей. Это своего рода парафраз классического представления о диалектическом противоречии, амбивалентности философских суждений, наконец, интервального подхода в трансдисциплинарном измерении. Скажем, семантику слова *событие* можно представить через поступок личности в конкретное время, *время* как мгновение или процессуальное длящееся «засекается» через пребывание личности в событии. *Личность* оставляет знаки своего присутствия в событиях своего времени. В таком походе сказалась личностная установка, сложившаяся за годы занятий в области современной философии науки. Время наложило свой отпечаток на те ключевые события, которые в известной мере направляли мой научный интерес: становление многообразия парадигм постнеклассического типа – синергетики, междисциплинарности, трансдисциплинарности, сложности, STS, конвергентных НБИКС-технологий, проблемы этоса и институализации многообразия парадигм в научном сообществе. На этом фоне ключевыми становятся условия формирования ответственного личностного выбора в сложных, неоднозначных ситуациях своего времени, ответственного выбора перед научным сообществом и контекстуальными событиями.

Особенности моего подхода к пониманию философии трансдисциплинарности определены рядом биографических обстоятельств. Думаю, на выпускников философского факультета МГУ 1970 года (П.К. Гречко, В.А. Кутырев, В.А. Меськов, В.А. Подорога, В.Н. Порус, М.К. Рыклин и других) неизгладимое впечатление оказали лекции таких профессоров, как В.Ф. Асмус, А.С. Богомолов, Е.К. Войшвилло, П.Я. Гальперин, Ю.А. Гастев, А.А. Зиновьев, И.С. Нарский, Б.Н. Пятницын, В.А. Смирнов, Е.Д. Смирнова. Помню, как А.А. Зиновьев водил нас, студентов группы логики, в мастерскую художника Э. Неизвестного, чья художественная «оптика» помогла раскрыть перед нашим взором неклассические, парадоксальные измерения окружающего мира.

Хорошо помнятся лекции М.К. Мамардашвили в Институте философии, в МГУ – выступления С.А. Яновской. После поступления по окончании университета на работу в Институт философии АН СССР с первых же дней я погрузилась в атмосферу жарких баталий между формальными логиками и диалектиками, к ним были приобщены на моей памяти Г.С. Батищев, Д.П. Горский, А.А. Зиновьев, Э.В. Ильенков, Е.А. Сидоренко и многие другие. И хотя содержание этих дискуссий со временем отошло на второй план, покрылось академическим глянцем воспоминаний и исторических исследований, но во мне сохраняется настроение их личной заинтересованности в поиске истины.

Немаловажную роль в становлении моих научных предпочтений еще в студенческие годы сыграли идеи моего научного руководителя Б.Н. Пятницина. Своей ключевой научный интерес к проблеме неопределенности он связывал с исследованием сложных систем и предпринял попытку построения их логики с использованием идей вероятностной логики. Этот научно-образовательный импульс, полученный от научного руководителя, имел свое дальнейшее развитие в Институте философии в исследовании проблем постнеклассической науки и синергетики в секторе философии самоорганизации и постнеклассической науки В.И. Аршинова, в обсуждении проблем биоэтики и философских вопросов медицины в секторе гуманитарных экспертиз и биоэтики П.Д. Тищенко. Без малого десять лет работы в Российском гуманитарном научном фонде дали неоценимый опыт реальных междисциплинарных обсуждений проблем в современных направлениях исследований в гуманитарных науках, познакомили с интереснейшими философами и учёными нашей страны.

Попытка зафиксировать ситуацию накопленного опыта «здесь и теперь», фиксируя совпадение биографических и кардинальных концептуальных перемен, проживание смены мировоззренческих представлений, становление новых парадигм со своим языком, порой бессознательным наполнением проживаемых ситуаций личностным содержанием, понуждает к адекватному времени жанру философствования с его неповторимой топологией. В этой ситуации хронотоп философствования, обживание которого зависит от желания и умения представить его в целом, включая «неровности» (неопределенности) и «разломы» (парадоксальности), требует

как прописать свою неустойчивую точку сопряжения с ним, так и предпринять попытку сохранения равновесия (самоидентичности) в соответствующей ему форме выражения. Форма выражения такого типа философствования приобретает порой черты повествования, которое взаимодополнительным образом содержит не только научные рассуждения. Она изобилует большим количеством примеров, частных случаев из рассуждений о социальной и научной жизни, обращением к повседневной жизни, косвенным, непрямым образом создающим эффект полноты, особого рода доопределенность философствования, не укладывающегося в законченное единство теоретического построения. Все это вместе намечает биоконцептографический, целостный способ описания и выявления личностного пути к определенному стилю философствования. Поэтому теоретическое философствование в сфере принимаемых постулатов, проведении умозаключений и вынесении суждений обретает вид жизненных ситуаций, поступков, событий, поиска их смысла – вид практического философствования, который генетически связан с миром проживания в целостном его видении становящейся индивидуальной личности. Видение себя таким образом в мире является серьезной претензией, не всегда оправданной, на общественное признание своей индивидуальности (уникальности и неповторимости), которая сегодня становится для философии важнейшей характеристикой бытия вообще¹ в целостном его восприятии. Биоконцептографический жанр нуждается в необходимом сочетании дополняющих друг друга стилей изложения: нарративного, тематического описания, рассказывающего о конкретных случаях, казусах реальной жизни, которые могут стать событиями-проблемами уже в аналитике научного дискурса.

В таком движении на первый план выходит нужда восполнить аналитическую субъект-объектную дуальность классической науки, восстановить синкретическую целостность личности, принимающего ответственные решения ученого-исследователя в единстве воспринимаемого мира. «Требуемый синкретизм (так называемая “суверенность”, “целостность личности”) во взглядах на индивида, для которого остается латентным противоречивый характер его поведения ввиду следования зачастую противоречивым нормам от-

¹ Быстрицкий Е.К. Феномен личности: мировоззрение, культура, бытие. Киев, 1991. С. 105–128.

дифференцированных систем действия, и является необходимым условием мифологической ориентации»². «Аналитическое – мифологическое» являются двумя принципиальными способами ориентирования в мире или, точнее, это один схематизм, где возможен выбор между двумя интерпретациями в себе тождественного мира. Выбор одного полюса ориентирования не отрицает другого, а нагружает ценностью соответствующую интерпретацию, обеспечивает понимание (консенсус) в коммуникации между сходным образом ориентирующимися коммуникантами или, наоборот, провоцирует конфликт³. Выбор мифологического типа ориентации в мире и порождения соответствующих способов его представления может быть обусловлен не только необходимостью восстановления синкретической целостности субъекта познания. Прежде всего речь в данном случае идет о модификации традиционного статуса субъекта, о необходимости явного учета в его познавательной деятельности не только рафинированных научных методов и представлений, но и вненаучных познавательных форм, намечая синкретический путь мифопоэзиса современного научного дискурса⁴.

Субъект познания современного естественнонаучного знания все более отчетливо приобретает дополнительное социогуманитарное измерение, учитывающее его личную историю (биографию) и культурную среду, в которой ему довелось жить. Стремление к рельефной прописи некогда отбрасываемых, как бы несущественных подробностей действующего лица в познавательной деятельности отнюдь не означает гибели субъекта и не ведет к его элиминации из гносеологического дискурса. Действующее лицо – наблюдатель, свидетель, участник и иные ипостаси – с учетом многообразия возможных функций ведет к более адекватному соотношению его непростой структуры с усложненной фактурой современного объекта взаимодействия. Возникает необходимость учета измерения личности и личностного измерения, в котором через процедуру выбора обретает видимость как индивидуализация личности, так и социогумани-

² Антоновский А.Ю. О специфике мифологической ориентации // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб., 1999. С. 154.

³ Там же. С. 151.

⁴ Киященко Л.П. Мифопоэзис научного дискурса // Философия науки. Вып. 8. М., 2002. С. 355–374.

тарные контуры возникающей предметности. Нужда этого учета обусловлена также и тем немаловажным обстоятельством, что сегодня новое знание рождается на стыке наук, выходя за их границы в сферу трансдисциплинарности. Особенностью трансдисциплинарного объединения разного (гетерогенного) типа знаний является то, что оно осуществляется не по логике заранее данного предмета исследования, а в поиске соответствующих правил ситуационно обусловленной деятельности по решению возникшей проблемы в горизонте жизненного мира. Эти правила по существу своему должны ориентироваться и одновременно содержать в себе как предпосылку сведение воедино единичного и общего, выстраивание, приближение к порядку целостности, к целостности порядка. Именно такого рода представления, возникающие в рамках научной работы, и называют мифогенными идеями. По мысли В. Депперта, такие идеи могут восходить к мифу или оказаться новообразованиями, возникшими в истории мысли. «Какие основания имеются для того, чтобы искать мифические формы мышления в естествознании? Разумеется, – говорит В. Депперт, – я далек от намерения пропеть ностальгическую песнь о несокрушимости мифического мышления. Задача состоит в том, чтобы прояснить предпосылки научной работы, с тем, чтобы изменить целеполагание научного исследования и иметь возможность управлять им. Судя по всему, вновь назрела необходимость выяснить основания науки перед лицом угрозы самому существованию человечества, в возникновении которой участвовала и наука»⁵. При этом следует добавить, что миф в данном рассмотрении берется не как сказка Проппа и не как тот миф, который с иррациональной враждебностью относится к науке и технике. Речь идет о мифопоэзисе философского дискурса, который связан с порождением соответствующих (мифогенных) познавательных форм и вносит изменения в понимание традиционно устоявшихся норм и идеалов научного познания, восполняющие очевидные прорехи научного прогресса. И одна из существенных прорех – отсутствие тщательно разработанной системы нейтрализации оппозиции «культура–природа», в качестве

⁵ Депперт В. Мифические формы мышления в науке, на примере понятий пространства, времени и закона природы // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб., 1999. С. 188.

которой в свое время выступал миф⁶. Другими словами, речь в данном случае идет о проблемах философского порядка, о мировоззренческом и методологическом содержании, которое философия обнаруживает в социальной реальности, в формах культуры, в проявлениях человеческой субъективности⁷.

Тематизация проблемы трансдисциплинарности. Обозначенный круг вопросов встает, когда мы вступаем в область трансдисциплинарного взаимодействия, нарабатывая соответствующий опыт. Концепция опыта трансдисциплинарности опирается на словарное толкование термина «опыт», который может быть понят как эссе (от фр. *essai* – ‘попытка’, ‘проба’, ‘очерк’). Он может трактоваться двояко: как стиль изложения, которому свойственны образность, подвижность ассоциаций, афористичность, нередко антитетичность мышления, установка на интимную откровенность и разговорную интонацию, и как жанр, форма повествования. Как форма повествования эссе граничит, с одной стороны, с научной статьей и литературным очерком, с другой – с философским трактатом. Первая сторона в случае написания научной статьи указывает, что речь, скорее всего, идет об описании опыта, проводимого согласно правилам научного эксперимента (*experiment*) и фиксируемого в обезличенной форме научной статьи. Так понятый опыт-эксперимент лежит в основе новоевропейского научного знания, образуя классический тип рациональности. Другая пограничная сторона эссе, близкая написанию философского трактата, говорит скорее о жизненном опыте (*experience*), об описании переживания, указывает на подлинность случившегося во всем многообразии его составляющих, описанных с помощью дополняющих друг друга языков: «языка тела» и «языка сознания». Рациональность в таком виде опыта приобретает неклассический характер.

Опыт, понятый в сочетании смыслов, которые вкладываются в трактовки терминов *experiment* и *experience*, действуя внутри научного процесса, указывает, что источник научной эмпирии выходит за границы системы научного знания, обеспечивая тем самым ее

⁶ Мамардашвили М.К. Появление философии на фоне мифа // Мамардашвили М.К. Мой опыт нетипичен. СПб., 2000. С. 37–53.

⁷ Богомолов А.С., Ойзерман Т.И. Основы теории историко-философского процесса. М., 1983. С. 79.

«открытость» жизненному миру. Этот план целостного научного опыта, который удерживает в рассмотрении одновременно классический и неклассические типы рациональности, образует то, что мы называем опытом трансдисциплинарности. Опыт трансдисциплинарности явным образом содержит в себе человекообразность, общезначимые ценности, которые присутствуют в языке когнитивно-коммуникативной практики, решающей экзистенциальные проблемы (например, биоэтические, экологические, антропологические и т. п.).

Философия науки, исходя из опыта трансдисциплинарности и сохраняя его в своей основе, приобретает черты постнеклассического стиля мышления, который исходит из следующих видов обоснования: апостериорной априорности *оснований* (дисциплинарное знание привлекается к решению проблем жизненного мира, который вносит конкретные «поправки» в принимаемые без обсуждения аксиомы той или иной дисциплины); конкретной универсальности (практичности) *в обосновании* принимаемого решения; трансфлексии морального выбора как *обоснованность* принимаемого решения. Трансфлексия (рефлексивная встреча «между» общающимися) дополняет классическую рефлексию ответственной непритязательностью в коммуникативном взаимодействии ученых-экспертов и «людей с улицы». Таким образом, происходит схождение, тематический резонанс внутрифилософских проблем, как правило, имеющих низкую степень актуальности для тех, кто не вовлечен в процесс философского исследования или образования, и внешне философских, напротив, часто неинтересных даже для широкого круга философов. С проблемами, которые привлекают внимание «человека с улицы», стремящегося осмыслить политические, религиозные, обыденные ситуации, непосредственно их касающиеся. Тематический резонанс создает, пусть на время освоения возникшей проблемы такого уровня, общность по настроению, контингентное согласие в общении – залог неслучайности возникшей проблемы.

Тематизация – это первичный акт схватываемого, допущенного к видению сущего с последующей возможной проблематизацией, направляющей парадигмальное построение. А «в нашей культурной традиции существует определенная матрица усвоения впервые тематизированного явления. Иными словами, любое яв-

ление, став зримым для человеческой, и для научной в частности, рефлексии, не только получает свое название, но и сразу же вписывается в определенную схему усвоения, оперирования, а также включается в общую схему культурного контекста. Одновременно происходит процесс определения тематизированного явления и “привязки” его на знаковые топосы нашего интеллектуального ландшафта»⁸. Собственно, что и можно заметить в истории становления явления, получившего более сорока лет тому назад наименование «трансдисциплинарность». Тематизация проблемы дает нам возможность видеть то, что лежит на поверхности описания, и то, что проблематизируется в этом видении, поскольку «явление, став зримым подлежит немедленной структуриации и центрации»⁹, т. е. проблематизация, вырастая из тематизации, ее не отменяет. Больше того, предлагаемые выходы из возникшей проблемы подлежат опять-таки тематическому разъяснению заинтересованным лицам, совсем не всегда обладающим знаниями во всех дисциплинарных областях и вступившим во взаимодействие для решения проблемы. Сегодня темы со ссылкой на Дж. Холтона трактуются как неявные, т. е. скрытые предпосылки, или, точнее, эвристические правила, направляющие постановку вопроса, намечающие программу исследований, возможный способ решения фундаментальных проблем, проясняет основу индивидуальных личностных предпочтений ученого к той или иной гипотезе, проблеме и т. д. В связи с этим особую значимость приобретает не всегда замечаемая функция тематического описания. Она во многом сближает естественнонаучное и гуманитарное знание, представляя тематизм как признак известного сходства между ними, сохраняя традиционное различие между ними, проблематизирует и размещает его в пространстве культуры.

Центрирующим *тематическим блоком* трансдисциплинарности является воспроизведение на современном уровне уходящей в глубокую древность темы единства, целостности и порядка. Структурирующим схематизмом *проблематизации*, ее концептуализацией выступает модель тройной спирали, о которой шла

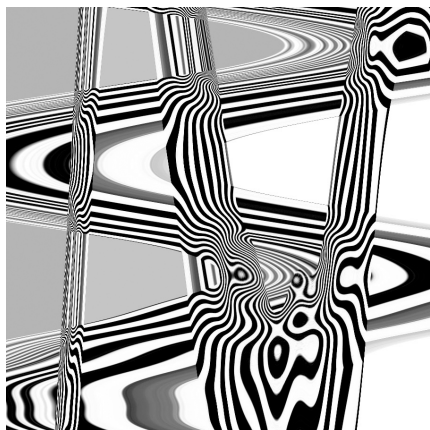
⁸ Соколов Б.Г. Тематизация дисциплинарного пространства культуры // Формирование дисциплинарного пространства культурологии. Вып. 11: Материалы научно-метод. конф. (г. Санкт-Петербург, 16 янв. 2001 г.). СПб., 2001. С. 157–163.

⁹ Там же.

речь выше. В динамике смещений ее реперных точек – события, личности, времени – через коммуникативные практики и риторику общения (этнос, логос и пафос) накапливается опыт движения к философии трансдисциплинарности.

В книге представлен избранный ряд статей, которые были написаны на протяжении последних без малого двадцати лет. Автор видит смысл обращения к ним в том, чтобы отследить и представить в тексте монографии изменение своих представлений в целостном виде как движение к философии трансдисциплинарности.

1. ПАРАДИГМАЛЬНОСТЬ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ – СУЩЕЕ И ВИДИМОЕ

Особенность трансдисциплинарной парадигмы просматривается в двух тематически сопряженных комплексах. Видимое – как предмет научного познания и как реалья повседневной жизни в форме повествования. Сущее – как предмет философского, художественного и образного отношения, в модусе возможного, ни как «на самом деле», а в воображении «как бы». В философии сущее может рассматриваться в двух аспектах – со стороны своей понятийной определённости, сущности, и со стороны своего существования. Сущность вещи выражается в понятийном определении, постигаемом разумом в аналитике дискурса. О существовании вещи мы узнаём из опыта повседневного проживания, нарративно изложенного. Для того чтобы некоторая сущность получила существование, обрела тем самым видимость она должна стать причастной бытию посредством акта творения в опыте, совмещающим нарративное и аналитическое. Можно сказать, что сущее и видимое связываются неоднозначным и порой непредсказуемым актом творения. Возникает проблема реинкарнации в истории существовавшего мифопоэзиса научного познания, сочетающего в себе связь философского, художественного, образного отношений, укорененного в повседневности с неповторимой динамикой соотношения (связи, коммуникации) между видимым и сущим, высказанным и недосказанным. Связь, меняющая свою архитектонику в зависимости от времени и места рефлекслирующего мыслителя в формах единства видимого и сущего.

Время картины мира сущего. Если взять за парадигмальный образец анализ научного знания Нового времени, оставленный нам Хайдеггером в работе «Время картины мира», то можно заметить, что в нем содержатся провозвестники тех трансформаций, которые переживает научное знание как сущностное явление уже нашего времени, требующее своего осмысления. Хайдеггер предупреждает, что «осмысление есть мужество ставить под

вопрос прежде всего истину собственных предпосылок и пространство собственных целей»¹⁰. Им обозначены черты, которые опознаваемы и сейчас. А именно, научное познание является исследованием, имеющим проектный характер, которое учреждает само себя в определенной области сущего, природы или истории в качестве предприятия. В такое предприятие входит больше, чем просто метод, образ действий; ибо всякое предприятие заранее уже нуждается в институализации и в раскрытой сфере для своего развертывания. Раскрытие такой сферы – основополагающий шаг исследования. Познание как исследование привлекает сущее к отчету, узнавая от него, как и насколько представление может располагать им. Исследование располагает сущим тогда, когда может либо предрасчитать сущее в его будущем протекании, либо учесть его как прошедшее. Определенное сущего происходит в представлении, которое имеет целью поставить перед собой всякое сущее так, чтобы рассчитывающий человек мог обеспечить себя со стороны этого сущего, т. е. удостовериться в нем¹¹. Хайдеггер в качестве удостоверения сущего предлагает его представление в картине мира и подчеркивает, что скрещивание процессов, превращение мира в картину и человека в субъект бросает свет и на, казалось бы, чуть ли не абсурдный, но коренной процесс новоевропейской истории. Чем шире и радикальнее человек распоряжается покоренным миром, чем объективнее становится объект, чем субъективнее, т. е. наступательнее выдвигает себя субъект, тем неудержимее наблюдение мира и наука о мире превращаются в науку о человеке, в антропологию¹². Неукротимость такого перехода чревата рисками антропоцентризма, известного своими издержками, но и плодотворной диверсификацией представлений о сущности человека, которая наблюдается сегодня – в философской антропологии, социокультурной антропологии, антропном принципе в космологии, антропогеографии и др. Хайдеггер предупреждает, что «сущее считается сущим постольку и в той мере, в какой оно вовлечено в эту жизнь и соотнесено с ней, то есть переживается и становится

¹⁰ Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: ст. и выступления. М., 1993. С. 41.

¹¹ Там же. С. 48.

¹² Там же. С. 51.

переживанием»¹³, в котором не все подчиняется расчету, указывает на те времена, когда человек стал субъектом, а мир картиной. Множественность представлений о сущности человека не может не отразиться на формате картины мира, которая принимает вид мировоззренческой жизненной позиции посреди сущего и на характере тех представлений человека, которые выстраиваются *между* поставленными перед собой наблюдаемыми предметностями и отношением к самому себе.

Синдром парадигмальности. Сегодня употребление понятия парадигмы в трудах, посвященных трансформациям современного научного познания, становится столь частым, что можно говорить о некоем синдроме парадигмальности. Синдром в данном случае понимается как устойчивый комплекс параметров, связанный с именем Т. Куна, как набор убеждений, ценностей и познавательных техник, которые разделяются всеми членами данного научного сообщества. Понятие «парадигма» обсуждается, например, когда речь заходит о влиянии смены ценностных установок на изменение норм и стандартов самого познавательного процесса. При осмыслении традиционного соотношения Истины и Блага в новейшей культуре, при рассмотрении соотношения всеобщего и общезначимого, фундаментального и прикладного аспектов научного познания; наконец, при анализе проблемы персональной и коллективной ответственности в проведении того или иного исследования, что обычно связано с богатой, но несколько забытой историей употребления понятие «этос». Причем сам термин «этос» в парадигмальных подвижках в соответствующих текстах может и не встречаться. Но множественное и разнообразное присутствие парадигмальных перестроек позволяют увидеть эволюцию этических проблем науки, которые становятся более конкретными и резко очерченными. Причем проблемы, связанные с социальной ответственностью ученых, не только конкретизируются, но и в определенной мере задают магистральную линию принятия или забвения предлагаемых к исследованию парадигм.

Учитывая многоаспектность статуса формирования и обоснования постнеклассической науки в многообразии парадигмальных построений, представляется перспективным обратиться к классической концепции этоса науки, введенной Р. Мертоном, но

¹³ Хайдеггер М. Время картины мира. С. 51.

попытаться ее применить к реалиям сегодняшнего дня. При этом принципиально важным является следующее обстоятельство. Сохраняется фундаментальная роль классических представлений об этосе науки, включающих «вечные» регулятивы, четко сформулированные Мертоном, такие как поиск истины и ее наращивание, универсализм, коллективизм, бескорыстность и организованный скептицизм, которые «работают» на перспективу достижения и сохранения объективности научного знания в целом. В этом смысле этика содержится в самой науке, и отношения между наукой и этикой не ограничиваются вопросом о хорошем или плохом применении научных результатов. Этические нормы не только регулируют применение научных результатов, но и содержатся изначально в виде неотменяемых принципов в существе самой научной деятельности. Именно они делают видимыми те кардинальные подвижки в трактовках, выход за их границы, которые отмечал и сам Мертон. Для описания реального поведения ученых дополнительно к нормам научного этоса Мертон вводит еще девять пар взаимно противоположных нормативных принципов¹⁴. Идея «социологической амбивалентности» состоит в том, что в своей повседневной профессиональной деятельности ученые постоянно находятся в напряжении выбора между полярными императивами предписываемого поведения. Так, ученый должен: 1) как можно быстрее передавать свои научные результаты коллегам, но не торопиться с публикациями; 2) быть восприимчив к новым идеям, но не поддаваться интеллектуальной «моде»; 3) стремиться добывать такое знание, которое получит высокую оценку коллег, но работать, не обращая внимания на оценки других; 4) защищать новые идеи, но не поддерживать опрометчивые заключения; 5) прилагать максимальные усилия, чтобы знать относящиеся к его области работы, но при этом помнить, что эрудиция иногда тормозит творчество; 6) быть крайне тщательным в формулировках и деталях, но не углубляться в педантизм, ибо это идет в ущерб содержанию; 7) всегда помнить, что знание универсально, но не забывать, что всякое научное открытие делает честь нации, представителем которой оно совершено; 8) воспитывать новое поколение ученых, но не отдавать обучению слишком много внимания и времени;

¹⁴ *Merton R.K. The Ambivalence of Scientists // Science and Society / Ed. by N. Kaplan. Chicago, 1965.*

9) учиться у крупного мастера и подражать ему, но не походить на него. Е.З. Мирская замечает, что Р. Мертона принято считать основоположником «поведенческого» подхода, т. к. он первым сместил предмет социологии науки из области продуктов научной деятельности в область самой этой деятельности, из области знания в область познания, рассматривая и делая процесс познания как деятельность по правилам видимым. Попытка выделить эти «правила» в явном виде, более четко, чем они существуют в сознании членов научного сообщества, как незыблемые сущности – большая заслуга Мертона¹⁵.

Однако нельзя не отметить изменения в нормативно-ценностном статусе, которые характерны для становления этоса постнеклассической науки, представленного в трансдисциплинарной парадигме. Они обусловлены следующими обстоятельствами.

Во-первых, ее междисциплинарностью и проблемной ориентированностью. Этическая оценка науки в этом случае должна быть дифференцированной, относящейся не к науке в целом, а к отдельным направлениям и областям научного знания. Во-вторых, морально-этические суждения способны играть конструктивную роль в обосновании теоретических построений, имеющих конкретный, практический характер. Морально-этические суждения, мотивированные общностью настроения (страха, сострадания, ответственности, переживания принимаемых решений), являются дополнительным «аргументом» к аналитике принимаемых суждений. Они существенно влияют на формирование нового кодекса норм, своего рода классики постнеклассики, образца проведения такого рода научного исследования. Предмет которого возникает из обсуждения проблемы, метод имеет самонастраивающийся на решение характер, проблемно-ориентированный диалог дисциплинарных знаний трансформируется через мульти-, межвзаимодействие к трансдисциплинарности. Отмеченные этапы трансформации дисциплинарного диалога дают возможность отследить этапы становления философии трансдисциплинарности как опыта практического философствования, философии преодолевающей границы дисциплинарного знания.

¹⁵ Мирская Э.З. Этос науки: идеальные нормативы и повседневные реалии // Этос науки М., 2007. URL: www.courier-edu.ru/cour0904/1161.htm (дата обращения: 05.11.2017).

Выберем условную точку отсчета, обратимся к ключевому представлению Т. Куна – «парадигме», более внимательное отношение к которой может прояснить ситуацию и в толковании трансдисциплинарной парадигмы. Изначально им была предположена соответственность парадигмы и научного сообщества, при этом сохранена конструктивность их аналитически автономного рассмотрения. Использование понятия «парадигма», по его собственному признанию, дало ему следующие возможности. С одной стороны, упорядочить накопленный к этому времени материал, который складывался у него по мере движения его исследовательского интереса от знания физики к истории науки, а затем постепенно от собственно историко-научных проблем обратно к вопросам более философского плана, которые первоначально и привели его к истории науки. С другой стороны, введение понятия «парадигма» позволило провести различие между сообществом специалистов в области социальных наук и сообществом ученых-естественников. Кун заметил, что практика проведения исследований последних не дает повода оспаривать самые основы этих наук, что сплошь и рядом случается в среде психологов или социологов. Он был поражен количеством и степенью открытых разногласий между ними по поводу правомерности постановки тех или иных научных проблем и методов их решения. Отметим важную для дальнейшего рассмотрения деталь. В понятии парадигмы, которое стало для Т. Куна главным для разворачивания его концепции структуры научных революций, содержалась потенциальная возможность представлять единство различного, подвижная точка начала философского размышления.

Вернемся к уточнению первого из двух значений парадигмы, которое подробно разбирается Т. Куном в дополнении от 1969 г. С этой целью он предлагает замещающий его термин «дисциплинарная матрица»: «„дисциплинарная“ потому, что она учитывает обычную принадлежность ученых-исследователей к определенной дисциплине; „матрица“, так как составлена из упорядоченных элементов различного рода, причем каждый из них требует дальнейшей спецификации. Напомним, в матрицу, по Куну, входят разного рода предписания (сейчас мы бы сказали гетерономные образования), а именно:

1. *символические обобщения*, используемые членами научной группы без сомнений и разногласий, которые могут быть без особых усилий облечены в логическую форму;

2. *метафизические части парадигмы* – «они снабжают научную группу предпочтительными и допустимыми аналогиями и метафорами, они помогают определить, что должно быть принято в качестве решения головоломок и в качестве объяснения, уточнить перечень нерешенных головоломок, и способствуют в оценке значимости каждой из них»¹⁶;

3. *ценности*;

4. *образцы*.

Кун считает, что «различия между системами образцов в большей степени, чем другие виды элементов, составляющих дисциплинарную матрицу, определяют тонкую структуру научного знания»¹⁷. Используя дисциплинарную матрицу в той или иной сфере знаний, у ученого формируется способность видеть во всем многообразии ситуаций нечто сходное между ними, выходящее на уровень существенных усмотрений. «Теперь он владеет способом видения, проверенного временем и разрешенным научной группой»¹⁸. В основе этого способа видения лежит сложность научного познания, которая касается ее тонкой структуры. Кун признает важность знания, основанного на правилах и предписаниях принятых сообществом, которое передается в процессе обучения; знания, которое, благодаря многочисленным испытаниям признано более эффективным, нежели конкурирующие варианты; знания, имевшего место в процессе исторического развития среды, окружающей группу. Оно, наконец, подвержено изменениям как в процессе дальнейшего обучения, так и благодаря обнаружению несоответствия со средой. Под средой Кун, как правило, имеет в виду природу, окружающий мир, который влияет на изменение парадигмы и представления которого меняются в связи с изменениями в парадигме. Но в этом знании есть знание, к которому мы не имеем прямого доступа. Мы не обладаем никакими правилами или обобщениями, в которых можно выразить это знание. Кун подкрепляет свое понимание такого рода знания ссылками на неявное знание Поляни.

Дисциплинарная матрица Т. Куна может быть использована как модель представления классического, неклассического и постнеклассического типов науки и форм преемственности между

¹⁶ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 232.

¹⁷ Там же. С. 235.

¹⁸ Там же. С. 238.

ними. За каждым типом научного познания стоит свод предписаний, исполняемый научным сообществом, задающий «взгляд на мир», средства и цели его познания, способ поведения в достижении этих целей, обусловленный культурно-историческим контекстом. Зависимость становится видимой в случае «ломки» общепринятых предписаний. «Сбой» хотя бы одного из них вызывает компенсаторную подвижность всей системы исповедуемых научным сообществом норм и ценностей. Эта подвижность направлена на то, чтобы продлить в неизменности ее целостность, имеющую хорошо зарекомендовавшую «кредитную историю» дисциплинарной матрицы нормальной науки. Социализация ученых, основанная на вере в основные ценности науки, приводит к тому, что ученые, не раздумывая, принимают их. Ценность науки, вспомним в этой связи еще раз Р. Мертона, состоит не только в том, что она технически эффективна, но одновременно и в том, что она дает веру, что ее нормы правильны и не навредят. Они одновременно и процедурные (технические нормы), и моральные¹⁹. Перемещая акцент с познавательной на нормативную функцию, парадигма определяет форму научной жизни. Роль парадигмы в качестве средства выражения и распространения научной теории состоит в том, чтобы сообщать ученому, какие сущности есть в природе, как наблюдаемые, а какие отсутствуют, и указать в каких формах они проявляются, становятся видимыми. А так как природа слишком сложна и разнообразна, чтобы можно было исследовать ее вслепую, то план (парадигма. – *Л.К.*) для длительного развития науки так же существенен, как наблюдение и эксперимент²⁰.

Классическая наука представляет собой вид эзотерической деятельности, имеющей свой внутренний контроль, которая может быть только разрушена попытками регулировать ее извне, но она будет исправно производить объективное и тем самым практически эффективное знание, если ей предоставят независимость и адекватную поддержку. Объективное знание описывается накапливающимися в соответствии с внутренней логикой развития, способного лишь замедляться или ускоряться (но не направляться!) социальными влияниями. Такому пониманию близко представление фунда-

¹⁹ *Merton R. The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations. Chicago, 1973. P. 270.*

²⁰ *Кун Т. Структура научных революций. С. 145.*

ментального знания. Классическая организация научного познания при принятии такого типа дисциплинарной матрицы приобретает канонический вид: эзотеризма (закрытая область научного знания, объединенная на предметном, методологическом и ценностном основании); автономии (замкнутость и независимость научного сообщества, занятого обработкой, трансляцией и производством научного знания); трансляции знания через обучение в академии и институте, с помощью «науки учебника», содержащей знание как нечто сверхличное и устойчивое (Л. Флек), механизма развития и воспроизводства соответствующей отрасли как профессии.

Формирование неклассической и постнеклассической дисциплинарной матрицы происходит в расширяющемся поле междисциплинарных исследований. При этом сохранение дисциплинарных областей знания необходимо как условие введения диалога между дисциплинами (Хайдеггер). Суть условия в том, что оно создает, как было замечено уже Л. Флеком, стиль «пограничной зоны». «Каждая интерколлективная коммуникация идей влечет за собой сдвиг или изменение ценностных характеристик этих идей. Общий настрой усиливает эти характеристики, а изменение настроения в то время, когда идеи путешествуют между мыслительными коллективами, может изменить их ценность в очень широком диапазоне: от незначительных нюансов до полного изменения смысла и даже его исчезновения (например, так изменилась смысловая нагруженность философского понятия “абсолют” в мыслительном коллективе современного естествознания)»²¹. Таким образом, можно сказать, что «научные революции возможны не только как результат внутри дисциплинарного развития, когда в сферу исследования включаются новые типы объектов, освоение которых требует изменения оснований научной дисциплины. Они возможны также благодаря междисциплинарным взаимодействиям, основанных на «парадигмальных прививках» – переносе представлений специальной научной картины мира, а также идеалов и норм из одной научной дисциплины в другую. Такие трансплантации способны вызвать преобразования оснований науки без обнаружения парадоксов и кризисных ситуаций, связанных с ее внутренним развитием. Новая картина исследуемой реальности (дисциплинарная онтология) и новые нормы исследования, возникающие в ре-

²¹ Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. М., 1999. С. 132.

зультате парадигмальных прививок, открывают иное, чем прежде, поле научных проблем, стимулируют открытие новых явлений и законов²². Путь «парадигмальных трансплантаций» является ключевым для понимания процессов возникновения и развития как многих новых научных дисциплин, так и междисциплинарных, и трансдисциплинарных исследований.

Путь «парадигмальных трансплантаций» прокладывается в неоднородной и нелинейной среде, составляющей подвижную устойчивость структуры дисциплинарной матрицы, описывающих ее языков (научной картины мира, символических обобщений, ценностных предпочтений, действующих образцов) междисциплинарной коммуникации. Эффект междисциплинарных коммуникаций следует понимать шире, чем только указанное взаимодействие дисциплин, поскольку он инициирован импульсом общения, рождающий рефлексию философского обобщения. В.Г. Буданов выделяет пять типов междисциплинарных стратегий коммуникаций и, соответственно, пять типов использования термина «междисциплинарность»: 1) согласование языков смежных дисциплин, имеющих общую феноменологическую базу, в которой каждая дисциплина использует свой тезаурус; 2) транссогласование языков не обязательно близких дисциплин. Речь идет о единстве методов, общенаучных инвариантах, универсалиях, применяемых самыми разными дисциплинами; 3) эвристическая гипотеза-аналогия, переносящая конструкции одной дисциплины в другую поначалу без должного обоснования; 4) конструктивный междисциплинарный проект сверхсложных систем (экологических, глобальных, антикризисного управления, искусственного интеллекта и т. п.); 5) сетевая или самоорганизующаяся коммуникация. Так происходит внедрение междисциплинарной методологии, трансдисциплинарных норм и ценностей, инвариантов и универсалий научной картины мира²³.

Для этоса науки постнеклассического типа, представленного в трансдисциплинарной парадигме, характерно динамическое напряжение *между* идеями властного отношения к природе, гос-

²² Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000. С. 579.

²³ Буданов В.Г. Синергетика коммуникативных сценариев // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М., 2004. С. 445–447.

подства над природой и идеей диалога с природой, *между* представлениями о риске, связанными с недостаточностью знания и несовершенства технологий, и риском, обусловленным чрезмерной властью знаний и технологий. Этнос постнеклассической науки по-новому определяет статус научного в отношении к феноменам «ненаучным». Нормой все более становится толерантность, происходит переход от проблемы демаркации с ненаучным знанием к проблеме диалога с различными его формами с целью взаимного обогащения, пополнения философии науки нетрадиционными формами рефлексии, обогащения сферы жизненного мира профессиональными знаниями. Неклассические (конкретные, практические, синергетические, становящиеся) формы рефлексии при всей своей недоопределенности определеннее удерживают связь научного познания с человеком, с его практической деятельностью. Этнос постнеклассической науки восстанавливает объективное содержание науки, науки как дела ума, души и рук человеческих.

Таким образом, в парадигме постнеклассического научного исследования намечается ряд существенных изменений. Они касаются не только регулятивов, связанных с неклассическими идеалами и нормативами объяснения и описания, обоснования и доказательности, в которых учитывается относительность объекта к средствам и операциям деятельности, но и регулятивов, связанных с преодолением дисциплинарной (предметной) разобщенности. Граница, разделяющая науки, становится объединяющей средой общения, в которой отрабатываются трансдисциплинарные (на основе синергетической методологии формируется предметность проблемы, снимающая нестыковки, противоречия, конфликты) и транслингвистические обменные процессы, включающие рефлексию над ценностными и нормативными основаниями научного познания. Этнос современного познания предстает в многообразии его организационных форм. Это не только дисциплинарное и специальное знание, существующее в университетах и институтах, зафиксированное в учебниках. Появление трансдисциплинарного сообщества обусловлено необходимостью решения жизненно-практических проблем. В основе такой организации лежит общность экзистенциального настроения, связанного с рисками современного цивилизационного состояния человеческого существования. Можно сказать, что любое на-

учное сообщество, занятое производством, развитием и трансляцией дисциплинарного знания в различных формах организации (классической и неклассической науки), характеризуется общностью настроения. Имеется в виду настрой как установка, например, на следование нормам дисциплинарной матрицы или же ориентация на отслеживание их изменения. Этот общий настрой играет цементирующую роль в специфических феноменах самоорганизации научного сообщества, которые получили названия «невидимых колледжей» (Т. Бернал, Д. Прайс), «республики ученых» (М. Полани). Нормы приобретают динамический характер, явным образом демонстрируя зависимость от целей, поставленных тем или иным научным сообществом, от принятых им внутренних норм. В прилагаемых обстоятельствах взаимодействие между конкретными научными сообществами выступает то как интегрирующее, то как дезинтегрирующее начало при организации трансдисциплинарного сообщества. На первый план сейчас выступает идея дифференцированного на многие страты сообщества со своими специфичными нормами исследования – локальными формами «этоса»²⁴. На современного ученого участие в таких исследованиях налагает двойные обязательства, т. к. на систему ценностей и норм, характерную для научного познания, накладывается еще система ценностей и норм, специфическая для той организации, которая создана для решения конкретной задачи. Этос постнеклассической науки, по нашему мнению, возвращает персонафицированную позицию ученого классического этоса науки, с той разницей, что теперь ученый держит персональный ответ за свою позицию не только перед самим собой, но и перед конкретным научным сообществом. Эта двойная ответственность драматически не равнозначна. Право «собственности», которое проявляется в современном научном сообществе, созданного, например, с коммерческими целями, трансформирует норму ответственности каждого участника трансдисциплинарного общения. Ответственность корпорации (коллективная отчетность перед обществом), основанная на корпоративной ответственности (материально-финансового обеспечения научного ис-

²⁴ *Erno-Kjølhede E.* Scientific norms as (dis)integrators of scientists? // MPP Working Paper. 2000. No. 14. URL: <http://openarchive.cbs.dk/handle/10398/6394> (дата обращения 05.11.2017).

следования) порой вступает в конфликт с нормой персональной ответственности ученого. Рассмотрение проблемы этоса постнеклассической науки возвращает к началу возникновения научной мысли, к тому историческому моменту, когда онтологический и этический аспект в познании окружающего мира еще не были разведены. В наши дни это становится возможным постольку, поскольку коммуникативный аспект (пространство морального поступка), необходимо сопряженный с познанием природной реальности, стал основой и условием: а) онтологического описания в трансдисциплинарном подходе; б) самого научного отношения к природе, которое из субъект-объектного все больше преобразуется в субъект-субъектное.

Трансдисциплинарная форма организации научного познания состоит из: трансдисциплинарной матрицы, трансдисциплинарного сообщества (дисциплинарного сообщества, общества в целом). Научные и общественные механизмы развития и воспроизводства трансдисциплинарного познания поддерживаются не только «наукой учебника», «журнальной», «популярной» науки, институтами «общественного мнения», но и при содействии материальной и финансовой помощи государства и частной собственности. Парадигма трансдисциплинарного исследования все более усложняется и одновременно упрощается за счет органического наполнения результатами обобщающей философской рефлексии целостного видения ее существа, но и результатами изучения ее локальных казусов. Последние «конкретно» воспроизводят модель сложностного видения существа современных тенденций в философии, культуре и науке. Упрощается по той причине, что она наглядно может быть представлена с помощью модели тройной спирали, порождающей трансдисциплинарное взаимодействие, и усложняется, поскольку содержательное результирующее ее наполнение может быть множественным и разнообразным. В последнем случае встает следующая проблема: как выстроить между трансдисциплинарными исследованиями сеть взаимоотношений, учитывая и их далеко не всегда предвидимые результаты?

Тройная спираль – модель трансдисциплинарного взаимодействия. Понятие “Triple Helix” или «тройной спирали» (университет – правительство – бизнес) в социологию инновационного раз-

вития науки введено Генри Этцковичем и Лоетом Лидесдорффом в 2000 г.²⁵ в качестве критического ответа на концепцию Второго типа производства знаний Гиббонса и др.²⁶. Оно было уточнено в 2007 г. на конференции в Сингапуре в докладе Г. Этцкович и Ч. Жоу «Региональный инициатор инновации: предпринимательский университет в различных моделях тройных спиралей», в котором подчеркнута роль «локальных» особенностей в контексте «циркулярных» взаимодействий спиралей трипла. Университеты создают идеи, правительство формирует нормативную базу, бизнес обеспечивает ресурсами²⁷.

В 2000 г. Р. Левонтин²⁸, один из выдающихся современных генетиков и эволюционных биологов, использовал модель тройной спирали жизни (ген, организм, окружающая среда) применительно к биологическому знанию. Эта модель давала, по его мнению, возможность представить сложность жизни как предмет научного познания, наблюдаемые феномены которой являются результатами взаимодействия трех активных начал (своеобразных субъектов биологического процесса): активности генома, животного организма и средовых факторов.

В 1998 г. математик Б. Николеску²⁹ предложил рассмотреть проблему мышления о сложном, используя (без ссылки на идеи Triple Helix'a) трансдисциплинарные представления, весьма близкие к обсуждаемой гипотезе. Реальность для него предстает как постоянно усложняющийся слоистый неиерархический универсум.

²⁵ *Etzkowitz H., Leydesdorff L.* The dynamics of innovation: from National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix of university-industry-government relations // *Research Policy*. 2000. Vol. 29. P. 109–123.

²⁶ *Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott H., Trow M.* The new production of knowledge: the dynamics of science and research in contemporary societies. L., 1994.

²⁷ Emerging Models for the Entrepreneurial University: Regional Diversities or Global Convergence. The conference will be organized by National University of Singapore (NUS) Enterprise in Singapore // The 6th Biennial International Triple Helix Conference on University-Industry Government-Links will be held in Singapore from May16-18, 2007.

²⁸ *Lewontin R.* The Triple Helix: Gene, Organism, and Environment. Harvard University Press, 2000. 144p.

²⁹ *Nicolescu B.* Transdisciplinarity as Methodological Framework for Going Beyond the Science-Religion Debate. URL:www.metanexus.net/magazine/tabid/68/id/10013/ (дата обращения: 05.11.2017).

Промежуток «между» слоями (в отношении к любым из двух) играет парадоксальную роль рационального, но не формализуемого посредника, который исполняет функции «включенного третьего». Три аксиомы (как еще одна тройная спираль) фундируют трансдисциплинарные идеи Б. Николеску: а) существуют различные уровни Объекта и соответственно Субъекта познания; б) переход с одного уровня на другой обеспечивается логикой включенного третьего; в) структура тотальности уровней Реальности выражается как комплексная структура уровней наших знаний природы, общества и индивидуальных человеческих существ, существующих одновременно.

Образом тройной спирали может быть представлен теоретический подход, выражающий форму самоорганизации и сотрудничества эволюционной теории. Стандартные ссылки здесь на Умберто Матурана, Франциско Варела³⁰ и Николая Лумана³¹. Ключевыми требованиями этой теории являются: (1) в определенных условиях институциональные и когнитивные структуры становятся неадаптированными к текущей ситуации и неустойчивыми; (2) развитие структур и их ко-эволюция порождает исторически новую институциональную и/или когнитивную структуру; (3) время является основополагающей размерностью в этом динамическом процессе; (4) ко-эволюция временно решает проблемы несоответствия более ранних систем с вновь возникающими; (5) новые слои сложности сопровождаются новыми несоответствиями (институциональными или когнитивными) и это порождает дальнейшие циклы ко-эволюции³².

Таким образом, идея тройной спирали может иметь различные содержательные наполнения. В науковедческой литературе можно встретить такие варианты, как: наука – технология – общество, наука – промышленность – природа, наука – экономика – правительство. Основанием идеи тройной спирали является метафора математической задачи описания относительного движения трех тел, которая, в принципе, не имеет общего решения, но возможны частные решения для некоторых конкретных начальных условий.

³⁰ Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М., 2001.

³¹ Луман Н. Дифференция. М., 2006.

³² King L. Why is Separation of the Three Helices Important? // The Institute for Triple Helix Innovation. Submitted // www.triplehelixinstitute.org. 2008.12.8.

Она удобна в отношении нелинейных, поливариантных и статистически детерминированных процессов инновационного развития. В российской философии науки (синергетике) эта модель или метафора активно использовалась с конца 1980-х гг. для описания неравновесных, нелинейных процессов самоорганизации. В модели тройной спирали главное: а) внутренняя неопределенность описываемого феномена, учитывая наложения влияний относительной независимости каждой из выделенных спиралей и эффектов их взаимной адаптации; б) наличие множественности возможных решений, исходя из конкретности возможных отношений между ними; в) зависимость этих решений от контекстных (внешних), начальных условий «здесь и теперь».

С методологической точки зрения тройная спираль трансдисциплинарности в обществе знания работает по следующему принципу: каждые две из трех спиралей образуют по отношению к третьей пограничные условия интервальной ситуации, а третья (переменная) – средовое образование «между», причем эти рамочные функции могут исполнять попарно каждая из выделенных переменных. В силу качественной разнородности спиралей каждая из них доопределяется, в том числе, через свое иное, например, университеты через посредство промышленности, правительство через лоббирующие структуры бизнеса и т. д.

Инновации, являющиеся смыслом деятельности тройной спирали «университеты – государство – бизнес», отличаются от традиционно понимаемых изобретений тем, что в них производство нового знания необходимый, но недостаточный момент. Инновациям в технике или других областях деятельности всегда предшествуют социальные инновации в виде создания трансинституциональных центров, рабочих групп, компаний и т. д., которые сводят вместе до тех пор практически разобщенные группы ученых, бизнесменов и политиков. Должны быть изобретены эффективные именно для решения конкретной проблемы особые «топосы» (инкубаторы знаний) – «пространства трансинституционального взаимодействия». В них формируется особый язык с постоянно расширяющимся словарем, специфические эффективные в данных условиях трансдисциплинарных коммуникаций дискурсивные практики, понятийно-метафорические системы. Соответственно складываются специфические коммуникативные компетенции участников транс-

институционального взаимодействия. Возникают новые формы подготовки профессионалов трансинституционального взаимодействия, курсы карьерного роста «переводчиков» или «транспрофессионалов», обеспечивающих перевод между языками участников инновационного процесса и согласование их интересов. При этом изменения в функционировании каждой из описанных спиралей оказываются возможным только в том случае, если, обладая адекватными коммуникативными компетенциями, участники инновационного процесса осуществляют двойную герменевтику. Каждый из них должен рефлексировать, с одной стороны, на свою позицию субъекта погруженного во взаимодействие, а с другой – на свою же позицию в качестве внешнего наблюдателя.

Критики идеи тройной спирали инновационного развития обращают внимание на эвристическую полезность использования таких моделей и их неслучайное появление в языке социологического анализа науки³³. Положительной особенностью концепции трипла, по их мнению, является тенденция к обобщениям, сбалансированных анализом конкретных событий. Идея тройной спирали, возможно, не образует строгую аналитическую модель, но она способствует возникновению серьезной школы социологических исследований с эмпирической и концептуальной актуальностью. Эти исследования получают важное звучание в национальных, культурных и локальных ситуациях функционирования тройной спирали (занятости, карьерного роста и т. п.). К недостаткам относят неубедительную разработку их исторических предпосылок. Вместе с тем следует отметить, что значимость обнаруженных критиками предшественников трансверсальных форм инновационной деятельности в СССР, США и Японии, по сути дела, стала очевидной лишь после и вследствие разработки и обсуждения трансдисциплинарных в том числе опирающихся на концепт тройной спирали концепций.

³³ *Shinn T.* The Triple Helix and new production of knowledge: prepackaged thinking on science and technology // *Social Studies of Science.* 2002. Vol. 32. P. 599–614.

2. ХРОНОТОП ОПЫТА ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

«Каковы бы ни были эти смыслы, чтобы войти в наш опыт (притом в социальный опыт), они должны принять какое-либо временно-пространственное выражение, то есть принять знаковую форму, слышимую и видимую нами (иероглиф, математическую формулу, словесно-языковое выражение, рисунок и др.). Без такого временно-пространственного выражения невозможно даже самое абстрактное мышление» (М.М. Бахтин. *Формы времени и хронотопа* в романе).

Хронотоп. Известно, что понятие «хронотоп», охватывающее, по выражению М.М. Бахтина, существенную и неразрывную взаимосвязь временных и пространственных отношений, было введено в математическом естествознании и обосновано на почве теории относительности. Сам же М.М. Бахтин вспоминает, что он присутствовал в 1925 г. на докладе А.А. Ухтомского о хронотопе в биологии. Хронотоп, являясь, по мысли Бахтина, формально-содержательной категорией, имеет существенное значение для определения жанра литературы.

В художественном хронотопе ведущим началом является время³⁴. В научном хронотопе классического типа, описывающего, как правило, «становление бытия», преимущественное положение занимают пространственные характеристики предметов изучения, которые при всей своей изменчивости в развитии сохраняют тождественность самим себе. И в том и другом случае имеется в виду не только и не столько различное и разнородное представление о времени и пространстве, которые являются априорными условиями возможного опыта (И. Кант). Содержание, их конкретизирующее, придает им смысловое наполнение, которое в его

³⁴ Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа* в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. М., 1975. С. 234–235.

предельном выражении возможно как минимум двоякого рода, что делает их конкретизацию неоднозначной. Одна из них – как раз та, которая связана со смыслом в той или иной форме изначально присутствующим, с которым устанавливается устойчивая связь: либо в мире платоновских идей, либо в априорных механизмах разума, либо он вписан в конфигурацию устройства природы и т. п.³⁵. Но в любом случае значение смысла не зависит ни от времени – оно вечно, ни от топоса его существования – оно беспрепятственно существует везде. Иное наполнение хронотопа возникает в ситуации предельного предположения, «что у мироздания нет изначальных смыслов, и признать (как одно из онтологических оснований такого мироздания!) наличие в нем процессов, связанных со смыслопорождением»³⁶. Смыслы утрачивают характеристики стабильных «идеальных предметов» и обретают процессуальные свойства³⁷, проявляют зависимость от сочетания изменяющихся конкретных времени и пространства, рассматривают «бытие становления».

Присутствие одновременно двух предельных выражений смысла – как «идеальной предметности» и как процесса смыслопорождения – делают специфичным проявление живого применительно к человеческой жизни. Она фокусирует в себе сходимое несходного, образуя длительности двоякого рода³⁸. Первая длительность отмерена сроками реальной, биологической жизни, ограничена известными датами, изнутри прописана знаменательными событиями. Вторая, образуя пространство смысла, сопряжена взаимодействием двух выше упомянутых предельных выражений смысла, содержит оценку их значимости в конкретной ситуации, приурочена к значимости тех или иных событий в первой длительности. Дискретность длительности сферы смысла принимает пространственно-временное выражение, поскольку «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопа» (М.М. Бахтин).

³⁵ *Свирский Я.И.* Самоорганизация смысла. (Опыт синергетической онтологии). М., 2001. С. 46.

³⁶ Там же. С. 47.

³⁷ Там же. С. 49.

³⁸ «Но мыслим ли мы когда-нибудь истинную длительность? Здесь также необходимо непосредственное обладание. Нельзя подойти к длительности обходным путем: в нее вступить нужно разом. Именно это интеллект чаще всего и отказывается делать, привыкнув по обыкновению подвижное мыслить при посредстве неподвижного» (*Бергсон А.* Творческая эволюция. С. 286).

Зарисовки современной истории трансдисциплинарности³⁹. Говоря о хронотопе опыта трансдисциплинарности, расскажем его недавнюю историю, продемонстрируем основные проблемные узлы этого направления, проследим его истоки и динамику развития. Покажем, что трансдисциплинарные исследования коррелируют с существующими процессами в реальной жизни. Так станет более очевидно, что они сопряжены с различными способами получения и оформления знания, основополагающими теоретическими принципами, стилями мышления и ценностными приоритетами, повседневными практиками.

В первую очередь важно отметить, что существуют известные особенности феномена трансдисциплинарности по месту его возникновения и зависимости от существующих там тенденций развития научного знания. В последние десятилетия особенно в Центральной Европе трансдисциплинарность в значительной степени была связана с интеграцией знаний, возникающих непосредственно в практике и научном знании⁴⁰. Эти процессы имели и имеют место в устойчивом преобразовании городских, региональных и иных социальных систем. Предпосылки этих процессов часто кроются в трансформации ценностей и этических приоритетов, которые связаны с изучением и решением конкретных практических проблем в процессе взаимодействия между, с одной стороны, учеными и научными сообществами, а с другой – представителями практической деятельности, ориентированных собственно на реальные проблемы жизненного мира. Взаимовлияние и взаимообогащение знаниями между наукой и обществом являются ключевы-

³⁹ В написании этой части книги использованы фрагменты введения к коллективной монографии «Трансдисциплинарность в философии и науке. Подходы, Проблемы. Перспективы» (М., 2015), написанной совместно с Р. Шольцем, В. Баженовым, Л. Киященко.

⁴⁰ Hirsch Hadorn, G., Hoffmann-Riem, H., Biber-Klemm, S., Grossenbacher, W., Joye, D., Pohl, C., et al. (Eds.) // *Handbook of Transdisciplinary Research. A Proposition by the Swiss Academies of Arts and Sciences*. 2008. Heidelberg: Springer; Scholz, Lang, Wiek, Walter, Stauffacher. *Transdisciplinary case studies as a means of sustainability learning: Historical framework and theory* // *International Journal of Sustainability in Higher Education*. 2006. 7(3). P. 226–251; Scholz, Mieg, Oswald. *Transdisciplinarity in groundwater management: Towards mutual learning of science and society* // *Water, Air, and Soil Pollution*. 2000. 123(1–4). P. 477–487; Thompson Klein, et al., *Transdisciplinarity: Joint problem solving among science, technology, and society. An effective way for managing complexity*. Basel, 2001.

ми принципами, которые лежат в основе трансдисциплинарности, порождая и поддерживая определенного рода стилистику поведения и взаимообучения⁴¹. Таким образом, трансдисциплинарность сопряжена с различными способами получения знания, стилями мышления и реальными поведенческими практиками.

Понятие «трансдисциплинарность» употреблялось уже на конференции Организации экономического сотрудничества и развития (1972), на которой затрагивались эпистемологические проблемы, возникающие при взаимодействии различных научных дисциплин. Касаясь этого круга проблем, вероятно, обобщая известный и популярный в то время подход Д. Гильберта к аксиоматизации математики, Эрих Янч задумывался о возможности «аксиоматического подхода общего характера в деле координации дисциплинарных и междисциплинарных исследований образовательных систем⁴². Кроме того, он рассматривал «науку, образование и инновации как высокие примеры целесообразной человеческой деятельности», которая имеет «решающее значение для развития общества и окружающей среды», а соответствующие траектории социального развития являются «мощными факторами координации между образованием и инновационными процессами, которые могут быть названы трансдисциплинарными»⁴³.

Соответствующая мысль была высказана Ж. Пиаже⁴⁴, который искал механизмы, позволяющие «подняться над узкими интересами и взаимодействием исследователей, занятых решениями узкоспециальных проблем». Чуть позже Ж. Пиаже уже прямо говорил о трансдисциплинарности относительно ситуаций, когда осуществлялась интеграция понятий и методов различных дисциплин,

⁴¹ *Scholz R. W.* Mutual learning as a basic principle of transdisciplinarity // R. W. Scholz, R. Häberli, A. Bill & M. Welti (Eds.), *Transdisciplinarity: Joint problem-solving among science, technology and society. Workbook II: Mutual learning sessions 2000* (P. 13–17). Zürich: Haffmans Sachbuch.

⁴² *Jantsch E.* Towards interdisciplinarity and transdisciplinarity in education and innovation // L. Apostel, G. Berger, A. Briggs & G. Michaud (Eds.), *Interdisciplinarity: Problems of teaching and research in universities* Nice: University of Nice, 1972. P. 97–121.

⁴³ *Jantsch E.* Op. cit. P. 99, 105.

⁴⁴ *Piaget J.* Epistemology of Interdisciplinary Relations // *L'épistémologie des relations interdisciplinaires // L'interdisciplinarité – Problèmes d'enseignement et de recherche dans les universités.* Paris, 1970.

которые были близки по своей структуре, методам и способам проверки результатов, а под «полной трансдисциплинарностью» он имел в виду своего рода метазнание.

Сегодня в зарубежной академической традиции можно условно выделить два толкования трансдисциплинарности. Трансдисциплинарность Мод 1 означает, что понятия или методы из различных дисциплин смешиваются или «переплавляются», а трансдисциплинарность Мод 2 **обеспечивает некоторого рода метауровень или метаструктуру, позволяющую сочетать различные когнитивные стратегии и способы рассуждения, объединяющие теорию и практику, преодолевающую ограниченность дисциплинарно организованной науки**⁴⁵. Аналогичная проблема рассматривается и Б. Николеску, который рассуждает о возможности своего рода «науки наук»⁴⁶. Сомневаясь в существовании «прочных границ между научными дисциплинами», он допускает возникновение новой, «высшей» ступени развития науки, а именно трансдисциплинарной. Он полагает, что язык математики обладает способностью объединить различные сферы теоретического знания с учетом признания их специфичности. Кроме того, Николеску, признавая ограниченный и сложный характер человеческого знания и учитывая многоуровневую природу Вселенной, призывает признать «множество состояний» материи⁴⁷ и «достоинство человеческой личности, которое имеет не только планетарные, но и космические масштабы»⁴⁸. Этот – уже третий – вариант трансдисциплинарности, таким образом, включает в себя некое «скрытое» измерение, дополняющее абиотическую и биотическую материю, биофизический мир, являющееся духовным (мета)уровнем, способным обеспечить единство Вселенной⁴⁹.

⁴⁵ Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M. The new production of knowledge: the dynamics of science and research in contemporary societies. L., 1994.

⁴⁶ Nicolescu B. Transdisciplinarity: past, present and future // B. Haverkort & C. Reijntjes (Eds.), Moving Worldviews – Reshapingsciences, policies and practices for endogenous sustainable Development. 2006. P. 142–166.

⁴⁷ Nicolescu B. Manifesto of Transdisciplinarity. Albany, NY, 2002. P. 17.

⁴⁸ Charter of Transdisciplinarity (1994) // Nicolescu B. (ed.). Transdisciplinarity: Theory and Practice. Cresskill, NJ, P. 261–265. Online at <http://ciret-transdisciplinarity.org/chart.php#en> (accessed at January 18, 2015).

⁴⁹ Nicolescu B. From Modernity to Cosmodernity – Science, Culture, and Spirituality. State University of New York, 2014.

Подход Б. Николеску к рассмотрению структуры реальности поднимает проблему об онтологических предпосылках и основаниях трансдисциплинарности и может способствовать сближению тех смыслов трансдисциплинарности, которые фиксируются в различении Мод 1 и Мод 2⁵⁰. Если исходить из того, что трансдисциплинарность охватывает собой знания, относящиеся к самым различным областям науки и практики, структурным уровням реальности, то вопрос о возможности такого рода знаний подводит к мысли о номологическом аспекте единства мира – о существовании единства закономерностей, которые проявляются на различных уровнях реальности⁵¹. Немеханическое понимание онтологических предпосылок и оснований трансдисциплинарности заставляет вновь задуматься о казалось бы утраченной возможности видеть мир в единстве, но уже в новых условиях развития науки. Имеется в виду осознанная позиция исследователя на интеграцию в единое целое представлений о причинности, аргументации, теориях и даже типах рациональности, относящихся к самым различным философским направлениям, космологиям (если иметь в виду идеи К. Поппера), космодернизму (Б. Николеску), областям науки и практики при сохранности их относительной автономности с учетом неоднозначности форм их взаимодействия. Здесь видится поле дальнейших исследований феномена и методологии трансдисциплинарности. Нельзя не заметить, что Б. Николеску апеллирует к представлениям, которые активно обсуждались в советской философии середины XX в. Прежде всего имеются в виду учение о структурных уровнях реальности (Л.Б. Баженов, В.С. Барашенков, В.И. Кремянский и др.) и разработки в области диалектического метода мышления (Г.С. Батищев, Э.В. Ильенков, В.А. Лекторский, З.М. Оруджев, В.Н. Порус и др.). Таким образом, идеи трансдисциплинарности (по крайней мере, в интерпретации Б. Николеску) оказываются, как сейчас принято выражаться, в мейнстриме развития в определенном смысле классической философской мысли,

⁵⁰ *Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M.* The new production of knowledge: the dynamics of science and research in contemporary societies. L., 1994.

⁵¹ *Бажанов В.А.* Проблема полноты квантовой теории: поиск новых подходов (философский аспект). Казань, 1983. Гл. III. 2: Принцип единства закономерностей структурных уровней и форм движения материи: новые аспекты старой проблемы.

которая ныне – в эпоху новых явлений науки, культуры и практики – приобретает новый формат и качество постнеклассической науки, развиваемой в отечественной традиции. Симптоматично, что трансдисциплинарные научные исследования за рубежом также подводят к мысли о необходимости различать состояния нормальной и постнормальной науки. Последнее понятие введено Фунтовичем и Равицем в начале 1990-х гг. в контексте осмысления экологических проблем. Постнормальная наука (Post-Normal Science – PNS) – новое понятие, принятое в концепции управления сложными системами. Постнормальная наука сосредотачивается на тех аспектах сложных проблем, которыми имеют тенденцию пренебрегать в традиционных научных исследованиях, где «объективность и однозначность научных предсказаний уже невозможна»⁵². Проекты здесь разрабатываются в ситуации значительной неопределенности, ценностной нагруженности и неполной легитимности. PNS рассматривает эти элементы как интегральный момент этих исследований. Считается, что PNS в состоянии обеспечить последовательный подход и расширенное участие всех заинтересованных сторон в принятии решений, основанных на новых критериях и гарантиях качественного результата. Переход к постнормальной науке – критическое и радикальное по своей природе изменение нашего когнитивного инструментария. Нормальная наука в рекомендациях по управлению сложными социальными и биофизическими системами недооценивает их сложность, и потому в нашем кажущемся интеллектуальном триумфе скрыты элементы социо-экологической опасности. Идеи и понятия, принятые в PNS, свидетельствуют о появлении новой стратегии решений проблем, в которой роль науки ценится благодаря ее способности работать со сложностью и учитывать человеческие обязательства и ценности в условиях деятельности со сложными естественными системами, которые отличаются неопределенностью своего поведения. Представления, связанные с постнормальной наукой, вызывают споры. Так, Р.В. Шольц, например, считает, что эмпирические и другие науки применяют такие способы рассуждения и аргументации и проверки своих результатов, от которых нельзя так просто отказаться. Речь при исследовании сложных систем

⁵² *Funtowicz S.O., Ravetz J.R. Science for the Post-Normal Age // Futures. 25/7 September, 1993. P. 739–755.*

преимущественно должна идти о том, каковы могут быть пределы применения известных научных методов в ситуациях неопределенности и неполноты знания. С точки зрения Р.В. Шольца, наиболее эффективными здесь были бы те дисциплины, которые уже опробованы и показали себя надежными в междисциплинарных и трансдисциплинарных исследованиях⁵³.

Идеи трансдисциплинарности довольно активно циркулируют в западной философии науки, особенно в той, которая связана с комплексом экологических исследований и их практической реализацией. Экспансия этих идей совершается благодаря их актуальности и энергичной популяризации в обществе в этих странах. В России распространение трансдисциплинарных исследований было вызвано, с одной стороны, осознанием в научном и философском сообществах утраты единства и кризиса классической науки, о котором писал еще Гуссерль, а с другой – возросшими требованиями к ее результатам со стороны общества. В нашей стране указанная дилемма – опорная точка развития трансдисциплинарности – поставила проблемы соотношения фундаментального и прикладного, значения практического для фундаментального, роли общества, исследовательской группы и ответственности ученого в научном исследовании. Для отечественных исследований в контексте философии и методологии науки феномен трансдисциплинарности явился логическим продолжением и, можно сказать, одновременно конкретизацией и философским обобщением такого направления современной философии науки, которое носит название постнеклассики. Она задает новые коммуникативные стратегии познающему субъекту, целостность познания предстает как открытое, системное и динамичное единство в многообразии выражающих его форм. Естественно, что при этом возникают новые ресурсы для альтернативных онтологий и формируется особый опыт трансдисциплинарности на границе дисциплинарных миров и жизненного мира человека (в смысле Э. Гуссерля). Научная деятельность в данном контексте предстает как совокупность социальных практик, обусловленных, в том числе, неявными предпосылками, стереотипами, ценностями культуры. Субъект науки в этой ситуации выступает как член сообщества, в рамках которого

⁵³ *Scholz R.W.* Environmental literacy in science and society: From knowledge to decisions. Cambridge, 2011. P. 377.

достигается рациональный консенсус об истинности научного результата и правил взаимодействия ученых. В постнеклассической науке подобного рода теории заменяются достаточно универсальной картиной мира (по В.С. Степину, ее основой может служить синергетика). Как справедливо утверждается в отношении синергетики (но это полностью справедливо и в отношении постнеклассики в целом), ее основная роль заключается в том, чтобы быть катализатором новаций, ферментом для возникновения новых идей и представлений, формируемых в соответствующих дискурсивных практиках. Заметим кстати, что отечественные исследования феномена трансдисциплинарности более тяготеют к академическому полюсу (Мод 1 в принятой на Западе терминологии) соответствующей методологии и современной философии науки в аналитическом их изложении. Однако здесь есть исключения, которые касаются анализа проблем биоэтики, медицины и образования (см. работы Л.П. Киященко, В.И. Моисеева, П.Д. Тищенко, Е.Г. Гребенщиковой). Он строится в русле трансдисциплинарности Мод 2, более тяготеющей к описательной феноменологии дискурсивной практики, сочетающей описание с аналитикой.

Типология дискурсивных практик в контексте трансдисциплинарного опыта. Говоря о феномене становления самого дискурса, его типологии как понятия, теории и как реального процесса выражения мысли, отметим следующее. Понятие «дискурс» широко используется, получая большое количество разнообразных толкований. Дискурс из востребованного понятия современной методологии обретает статус практики. Дискурсивные практики явным образом вводят в тематику меж- и трансдисциплинарности действующее лицо (в единственном или множественном числе). С одной стороны, это дискурсивное многообразие межличностного взаимодействия, вариации авторских позиций, на которые оказывают влияние мотивы, убеждения, ценностные приоритеты, открываемые смыслы жизни, а с другой – дискурсивное формально-языковое средство репрезентации речи, которое является инвариантным для данного общества в никем не отменяемых правилах следования истинностным представлениям.

Мне бы хотелось подчеркнуть, что само формирование дискурсивной практики предстает как комплексная, гетерогенная концептуализация, как один из вариантов теоретического транс-

дисциплинарного построения уже в гуманитарной сфере знания. Она выступает необходимым дополняющим контрапунктом построению целостности трансдисциплинарного типа, возникшем в естественнонаучной сфере познания. Целостность дискурсивной практики в своем возникновении повторяет и, в известной мере, дополняет путь трансдисциплинарных стратегий в естественных науках, поскольку складывается на перекрестии лингвистики, социального знания, когнитивной антропологии, современных критических исследований культуры и нравственных отношений⁵⁴. Тем самым обозначается движение сходимости, конвергенции естественнонаучного знания в его постнеклассическом варианте и социогуманитарного знания, традиционно тяготеющего к комплексному рассмотрению человеческой деятельности. Если, к примеру, задаться целью измерения «эффективности» научной деятельности, то достижение (приближение) решения проблемы целостности и единства предоставляет единицы ее (качественного) измерения, т. е. меру включенности в жизнь общества. Последнее намечает типологию научного дискурса на основе философской аргументации с точки зрения культурно-исторической эпистемологии, которая учитывает мотивацию научно-познавательной деятельности, говорит о целевых установках в контексте культуры⁵⁵ в форме нарративного изложения. Другими словами, в философском дискурсе, ориентированном на трансдисциплинарную стратегию исследования, можно различить, но не разделить «дискурс о» (дискурсивный анализ) и «дискурс в» (дискурсивный синтез) как относительно автономные имманентные практики живой речи ведения рассуждений. Философский дискурс, в таком случае, понимается как сложно организованная структура, функционирующая через дополнительность таких компонентов, как дискурс-анализ и дискурс-синтез⁵⁶. Если первый тяготеет к монодисциплинарному, аналитическому решению проблем, скажем, с точки зрения

⁵⁴ *Ищенко Ю.* Толерантность в дискурсе трансдисциплинарности // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. М., 2015. С. 302–318.

⁵⁵ *Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Б.И. Пружинина.* М., 2014.

⁵⁶ *Огурцов А.П.* Дивергенция и конвергенция концепций дискурса – их эпистемические основания (ст. 1-я) // Методология науки и дискурс-анализ. М., 2014. С. 7–47.

лингвистики, истории страны, биографии личности, то второй ориентирован на трансдисциплинарный диалог в построении целостного представления обсуждаемого явления, учитывающего не только научный дискурс, но и дискурсивные практики повседневной жизни, синтезирующие в свою очередь этнографические, национальные, культурные, биографические и прочие ее особенности. Познавательные рассуждения «о» трансдисциплинарной проблеме, осуществляемые как бы со стороны, оказываются при внимательном прочтении сами включенными «в» ее экзистенциальные формы самовыражения. Учет включенности в ситуацию выражается, как правило, в повествовательной форме рассказа о себе – участнике некоторого развития событий. В этой связи саморефлексия (дискурс-синтез), выраженная в повествовательной форме, возникает в явном или неявном виде за счет способности сравнения с иными толкованиями этого же события, аналитического разбора (дискурс-анализ) своей позиции⁵⁷. Дискурсивные практики как бы «прошивают» или, скажем точнее, «проживают» аналитику сравнений, что возможно, если при этом намечается становящийся образ искомого целого со своей мерой неопределенного.

Типология дискурсивных практик в данном контексте, как и тематизация, о которой шла речь выше, помогает упорядочивать стихию становления, предлагает, как представляется, один из вариантов мягкого, не окончательного, но просматриваемого порядка становления целостного видения. Тип как экземплифицирующий пример, образец выполняет роль интегрирующего начала в достраивании ситуации до целого, общего (например, его действие в прецедентном праве). В основании типологии, согласно одному из словарных значений, лежит принцип систематизации сложных объектов, связанных между собой генетически, но получивших со временем относительную автономию в своем действии. Выстраиваемая типология дискурса учитывает его сложноорганизованное единство языковой формы, значения и действия зафиксированного с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта⁵⁸.

⁵⁷ Злотникова Т.С., Ерохина Т.И., Летина Н.Н., Киященко Л.П. Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры // *Вопр. философии*. 2014. № 11. С. 126–136.

⁵⁸ Дейк Т.А., ван. *Язык. Познание. Коммуникация*. Благовещенск, 2000. С. 136.

Дискурс можно представить как ткань пропозиций или как грибницу пропозиций, высказанных сообществом относительно той или иной темы, причем, как правило, в агональном, оспариваемом друг друга направлении – в схватке рождается истина. Агональные практики постклассического и постметафизических дискурсов, как считает Ю.А. Ищенко, показывают, что поле современного толерантного мышления предполагает движение от «сдержанности» в высказываниях к «признанию» иной мысли. Требуется включения, по К. Попперу, фаллибилистических оснований научного поиска, актуализирует Сократов способ диалого-диалектического мышления⁵⁹. Дискурсивные практики во множестве своих типичных проявлений прочерчивают в искомой целостности трансдисциплинарного опыта те лакуны, где собственно и разворачивается творческое начало данного вида опыта, решая на своем языке проблемы его полноты. Становление этого вида деятельности происходит при условии наличия напряжения и сопротивления участвующих сторон в этом опыте.

Дискурсивные практики, подвергаясь трансдукции за установленные рамки в стихию становящихся практик жизненного мира⁶⁰, реализуются, по мнению Г.Б. Гутнера, через связь с недискурсивным на некоторой спорной территории, которая может быть помечена как трансдискурсивная. Трансдисциплинарность им рассмотрена как частный случай трансдискурсивности. Дискурс рассмотрен как единство трех аспектов: онтологического, методологического и социального. В каждом из этих аспектов дискурс стремится определить свои границы. Он связан с системой предметностей, концептуальными и языковыми средствами, а также сообществом, разделяющим этот дискурс. Однако границы дискурса оказываются нечеткими из-за связи дискурса с (1) недискурсивными практиками и (2) трансцендентной реальностью⁶¹, что порождает необходимость учитывать возникающую в связи с этим неопределенность и поиски решений в ситуации парадоксов и противоречий, характерных для своего времени и места.

⁵⁹ *Ищенко Ю.А.* Толерантность в дискурсе трансдисциплинарности. С. 302–318.

⁶⁰ *Ищенко П.Д.* Трансдисциплинарность и/или трансдуктивность: контекст языка // *Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы.* М., 2015. С. 469–483.

⁶¹ *Гутнер Г.Б.* Трансдисциплинарность как трансдискурсивность // Там же. С. 263–280.

Взглянем за «раму картины» истории. Как справедливо утверждает А.В. Ахутин, «существуют эпохи, лучше сказать, эпохальные рубежи, особо чувствительные к парадоксам, когда истина бытия и бытие истины расходятся. Эпохальный парадокс, говоря упрощенно, есть противоречие, которым сказывается радикальное несовпадение “самой вещи” с тем способом, каким вещи научились переживать, понимать, знать и излагать»⁶². Экзистенциальная энергия апорий жизненного опыта реализуется в многообразии экзистенциально, научно, философски, дисциплинарно обосновывающихся решений. Однако сложность экзистенциальных проблем (например, биоэтических, экологических или энергетических) такова, что ни одно из дисциплинарных обоснований при всей необходимости не может претендовать на достаточность. Здесь истина сталкивается с истиной, благо с благом, правда с правдой, вызывая апорию разума, генерирующую парадоксальный импульс поиска основания и обоснованности, но уже в сфере трансдисциплинарных коммуникаций жизненного мира – в сфере общезначимого.

Общезначимость выражает социальную конвенцию и опирается на проблемный характер совместного действия коллектива. Всеобщему же отводится роль того идеального содержания, которое адресуется каждому человеку, и в этом отношении оно универсально. Другими словами, хронотоп опыта в трансдисциплинарном измерении возникает в том месте и в то время, когда научное знание выходит за свои традиционные дисциплинарные границы (сохраняя интенцию на опредмечивание действительного как на исчисление) при попытке решить проблемы экзистенциального порядка (типа экологического, биоэтического, антропологического, образовательных практик и т. п. исследований).

Указанные проблемы требуют комплексного, нетрадиционного подхода, предъявляют новые требования к современному научному знанию. Реальные, жизненные проблемы уточняются в процессе формирования их предметного статуса по ходу взаимодействия различных дисциплин, участвующих в решении, порой в режиме реального времени, здесь и сейчас. Происходит корреляция, подгонка методов, нарождаются новые синтезирующие походы, в дело вступают когнитивно-коммуникативные иссле-

⁶² Ахутин А.В. Парадоксы культурологи // В перспективе культурологи: повседневность, язык, общество. М., 2005. С. 18.

довательские стратегии, сочетающие познавательное и речевое взаимодействие. Идет формирование критериев отбора и выбора из альтернативно возможных и в различной степени оптимальных решений. Неизбежно и остро встает вопрос о соответствии предлагаемой теории к ситуации и об ответственности в ближайшем и отдаленном будущем за ее применение.

Место и время экзистенциального события, сохраняя онтическое измерение, в том числе и необратимость случившегося, выходят на уровень онтологии, где есть возможность прояснить его основания. Речь в этом случае идет об устанавливающе-фиксирующей процедуре, обязательной, по мнению М. Хайдеггера, для всякой теории действительного, об исчислении⁶³. Экзистенциальный характер проблем требует, в свою очередь, учета в их решении этических ценностей и моральных норм, вносящих дополнительное измерение в параметры истинности и достоверности предмета исследования⁶⁴. Измерение, несущее в устанавливающе-фиксирующую процедуру, а тем самым и в предмет ее рассмотрения в явном виде субъектное присутствие – когда подбираются методы с точки зрения их возможности измерить предмет, что называется, «в субъектно-объективном модусе». Динамика хронотопа подобных событий имеет свой, можно сказать, повторимо-неповторимый язык, возникающий как экспромт, близкий к описанию через косвенные контекстуальные указания-приметы, а не к утвердительной безапелляционности однозначных утверждений, моделирующих нормативный характер желательных (оптимальных) состояний объекта. Возникает интервал нормативного дисциплинарного предписания и дескриптивного

⁶³ «Конечно, не надо понимать такое «исчисление» в узком смысле цифровых операций. Исчислять – в широком сущностном смысле – значит брать что-либо в расчет, принимать в рассмотрение, рассчитывать на что-либо, т. е. ожидать определенного результата. В этом плане всякое опредмечивание действительного есть исчисление, все равно, прослеживается ли тут путем каузальных объяснений вытекание результата из причин, составляется ли картина рассматриваемых предметов посредством их морфологического описания или фиксируется в своих основаниях та или иная системно-серийная взаимосвязь» (*Хайдеггер М.* Наука и осмысление // *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993. С. 246).

⁶⁴ Причем в наши дни в этическом измерении существенным является осмысленное соединение двух традиционно различных его аспектов: действие по закону или свободному нравственному выбору, реализованному в поступке.

описания ожидаемого развития событий, перед которым в свой черед встает задача их сопряжения. Задача может быть решена через ситуационное введение (эмерджентное появление) порядка в неустойчивости и становлении, основой которого случается аттестация причастного субъекта и доверие к нему других акторов, возникшее контингентное согласие. Тем самым исполняется перманентная нужда в примеривании безмерного, и в том же акте, и в то же время ставятся под вопрос ранее введенные мерности различного, а возникающие ответы помечают пульсацию меры порядка в становлении и становления в порядке в опыте трансдисциплинарности. Важным в этой ситуации является переход к остановке на перевале, внимание к самой рубежности, к тому, что приоткрывается на рубежах, на стыках смысловых миров, в пара-доксальном (по отношению к замыкающей их в особый мир орто-доксальности) топосе междумирной границы⁶⁵.

Так или иначе, различия в указанных способах измерения (различных по природе или по степени в терминологии А. Бергсона) выводят на известное – на амбивалентную природу человека, даже если он занимается таким видом деятельности, как научное или философское познание⁶⁶. Оставаясь плотью от плоти частью природного мира, человек приобретает качественно иные свойства, среди которых основополагающим является рефлексивное отношение не только к природе как таковой, но и к самому себе, сложным образом сочетая «я – сам как другой». Последнее обстоятельство существенно усложняет рефлексивное отношение как таковое, поскольку «развертывает диалоговое измерение самооценки, до сих пор молчаливо подразумевающееся»⁶⁷. Подобные оценки влияют на концептуальный аппарат измерений. В дело вступают концепты, регулирующие контакты взаимодействия, введение диалога.

⁶⁵ Ахутин А.В. Парадоксы культурологи. С. 20.

⁶⁶ Примечательно мнение, высказанное патриархом нашей отечественной философии Т.И. Ойзерманом в статье «Амбивалентность великих философских учений (К характеристике философских систем Канта и Гегеля)» (Вопр. философии. 2008. № 11. С. 32–44): «Можно даже констатировать тот факт, что, чем более содержательным, новаторским является то или иное философское учение, тем более оно противоречиво, амбивалентно, апористично, несмотря на стремление его создателя и его последователей согласовать все положения этого учения, исключить какую бы то ни было несогласованность».

⁶⁷ Рикёр П. Я – сам как другой. М., 2008. С. 217.

Концепт в отличие, скажем, от понятия может быть рассмотрен как динамично и непрерывно становящаяся совокупность субъективных представлений о действительности. Свою относительную завершенность концепт получает с помощью языка в контакте с действующими в культурном контексте смыслопорождающими системами воплощения, понимания и интерпретации этих представлений. Кроме того, концепт формируется речью... Речь осуществляется не в сфере грамматики (грамматика включена в нее как часть), а в пространстве души с ее ритмами, энергией, жестикуляцией, интонацией, бесконечными уточнениями, составляющими смысл комментаторства. Неотторжимыми свойствами концепта являются память и воображение. Концепт направлен, с одной стороны, на понимание здесь и теперь; с другой стороны – концепт синтезирует в себе три способности души: памяти ориентированной в прошлое, воображения – в будущее, как акт суждения – в настоящее. Таким образом, представленный ресурс концепта дает возможность синтезировать длящиеся явления (овремененное пространство) внутренней душевной жизни, оставлять свои следы на поверхности видимости (опрозраченное время) в слове, речи и деле. Концепт переводит – удерживает в напряжении совместного рассмотрения – время души, представленное в событиях душевной жизни и факты физического времени⁶⁸. «Основную дилемму представления о времени, – пишет В.П. Визгин, – в классической и современной науке можно кратко сформулировать так: или предсказуемая обратимость, или непредсказуемая необратимость времени. Дилемма может получить разрешение, если в познании появятся новые категории, которые дадут возможность включить в “объективное” описание природы самого познающего субъекта. Это означает, что объективное время природы включает “субъективное” время коммуникации с ней – время измерения, время сообщения, время вопрошания природы и т. п. Так как для полного описания природы требуется рассмотрение и зон слабой устойчивости, то представление о внешнем времени нужно, как считает Пригожин, дополнить представлением о внутреннем времени. Реальное время складывается из совместного течения обоих видов времени, определяя реальное становление, возникновение вещей и их метамор-

⁶⁸ *Неретина С.С.* Концепт // Новая филос. энцикл.: в 4 т. Т. II. М., 2001. С. 306.

форзы»⁶⁹. И тогда к нему в известной мере применимо то, что Бахтин говорил о художественном хронотопе. Художественный хронотоп характеризуется пересечением пространственных рядов и слиянием временных примет в осмысленном и конкретном целом. «Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысляется и измеряется временем»⁷⁰.

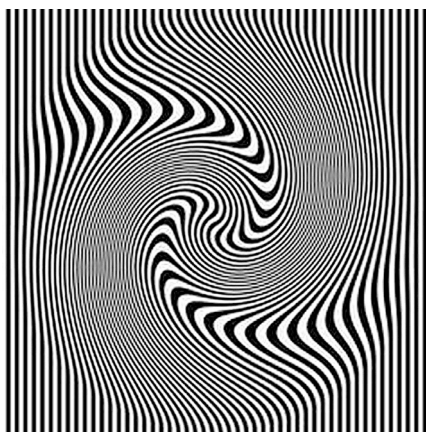
Культурная форма сопряжения меры и безмерного – время (в паре с пространством) представляет собой усвоение (одомашнивание) чистой стихии становления – не теряет себя в представлении лишь тогда, когда мысль оказывается способной удержать оба полюса⁷¹. В своей взаимной соотношенности игра помеченных тенденций образует динамический, пульсирующий хронотоп опыта трансдисциплинарности, задающий очертания событий своего времени.

⁶⁹ *Визгин В.П.* Этюд о времени // *Филос. исслед.* 1999. № 3. С. 150.

⁷⁰ *Бахтин М.М.* *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике.* С. 234–407.

⁷¹ *Тищенко П.Д.* *Время и онтология «Да будет» (Fiat!) // Синергетика времени. Междисциплинарный подход.* М., 2007. С. 28.

3. ПОИСКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОБЫТИЯ В СОБЫТИЯХ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Факт становится событием, когда преодолеваются ограничения, делающие «фактическое положение дел» непоколебимо устойчивым и существование не ограничено жестким контекстом употребления и ему дается оценка, апеллирующая к смыслу и значению, выходящим за рамки непосредственного видения и применения. Событие – это то, что в большей степени связано с сущностным проживанием и переживанием участвующих или наблюдающих, которые отнюдь не всегда имеют для этого исчерпывающее словесное выражение и визуальное воплощение. Актуальное событие лишь отчасти определяется непосредственно своим временем, поскольку в своем генезисе подсказывается корнями прошлого и выявляется просветом из будущего. Его очертания обретают рельефность за счет эффекта целостности, синергийно возникшем и трансцендирующим за границы налично присутствующего в воображении наблюдателя/участника события. Событие сродни проблеме, оно имеет, с одной стороны, незавершенный и до конца однозначно не решаемый характер, а с другой – тематически целостный образ, поименованный временем или действующей личностью. Событие может приобрести статус прецедента, дающего начало новому правилу или образу действия в новой сфере, с претензией на парадигмальность, канон будущих толкований событий.

О времени и о себе в событиях. Слово «событие» в его обычном, житейском понимании и употреблении связано с теми случаями, когда речь идет о чем-то значительном, выступающем «из ряда привычного», возникшем при стечении, совпадении некоторых неповторимых условий и обстоятельств, когда то, что было возможным или даже не всегда предполагаемым, вдруг обретает осмысленные пусть в воображении очертания.

Помещение слова из обыденного обихода в контекст философского исследования требует его переосмысления. Равно это необходимо, когда закрепленное философской традицией словоупотребление

по тем или иным причинам становится неудовлетворительным. Это сейчас происходит в философии, и не только со словом «событие», но, например, со словами «смысл», «явление» и др. Обновленные их смыслы должны как бы «прижиться» к существующему уже арсеналу наработанных в той или иной области знания словесных средств. Но тут стоит вспомнить предупреждение П. Валери, что слово, вырванное из привычного контекста употребления, мстит: «Оно внушает нам, что его смысл обширнее его функций. Оно было лишь средством, а теперь стало целью, объектом чудовищного философского домогательства. И оно обращается в тайну, в бездонность, в терзание мысли»⁷². А с другой стороны, прижившийся «дичок» может дать новые плоды, которые выгодно отличают его от уже имеющихся слов и понятий. Сравнение с имеющимся покажет, что нового принесло оно в философию и что нового открылось в этом случае в самом слове уже в обыденном его употреблении.

«Любой вопрос, если он философски поставлен, сразу же обращается в вопрос о тайне бытия и человеческого сознания, оканчивается опытом мысли в осуществлении бытия. Это все то же и все о том же в “вечном настоящем” человеческого становления. Отсюда, как бы изнутри, философ и идет воображением к универсальным граничным условиям того, на что вообще способен (или не способен) человек перед лицом непреклонных законов цельности и полноты бытия»⁷³. Вечно настоящее человеческого становления понимается мной и в смысле актуальности здесь–теперь, и в ценностном смысле как настоящее, т. е. подлинное осуществление бытия человека в опыте мысли, обращенной к своим пределам как к тайне. Подчеркну, что тайна в философском смысле – это не задача, имеющая правильное решение, но фундаментальная экзистенциальная проблема, предполагающая возможность и необходимость многих решений. Она порождает беспокойство разума, разрешающееся в становлении возможности конкретной идеи целостности и полноты бытия через вариации развития в опыте граничных условий, в опыте трансдисциплинарности.

Поэтому обсуждение темы трансдисциплинарности через призму человеческого становления целостностью разворачивается по принципу вариационной формы музыкального произведе-

⁷² Валери П. Поэзия и абстрактная мысль // Об искусстве. М., 1993. С. 315–316.

⁷³ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 180–181.

ния, которая находит свое воплощение в развитии того, что только условно (в мысли и тексте) может быть разведено на биографические и концептуальные вариации. В беспокойстве становления целостностью, как некоего инварианта в разработке вариационной формы, всякий философ может заметить, что его исследование разворачивается, как правило, биоконцептографично, промысливая бытие в событиях своей жизни⁷⁴. Созвучна здесь и мысль М. Пришвина в его дневниках: «С отвращением отбрасываю старую условность скрывать от читателя свое авторское бытие».

Для меня вопрос о том, как возможно мыслить целостность, вначале выступил в связи с обсуждением экологических проблем – экзистенциальных и социо-экологических проблем сохранения окружающей среды человеческого существования, чему была посвящена моя кандидатская диссертация, защищенная в 1983 г. В секторе комплексных проблем здоровья, в котором я работала под руководством проф. И.Н. Смирнова, проблема целостности мною была тематизирована в фокусе естественнонаучной и социо-гуманитарной традиции. Феномен здоровья человека был рассмотрен в процессе социализации через гегелевскую категорию «снятие». Тем самым была показана двойственность целостного представления о здоровье человека, поскольку «снятое есть в то же время и сохраненное, которое лишь потеряло свою непосредственность, но от этого не уничтожено»⁷⁵. В определении Гегеля для меня важно, что «... нечто снято лишь постольку, поскольку оно вступило в единство со своей противоположностью; для него, взятого в этом более точном определении как нечто рефлектированное, подходит название момента»⁷⁶. Уже тогда сопоставление классического и неклассического взглядов на проблему телесности в аспекте здоровья было отмечено как продуктивное продвижение в прояснении целостности экзистенциального порядка. В секторе работали такие интересные философы, как Н.Т. Абрамова, И.Ю. Алексеева, А.М. Анисов, Ф.Н. Блюхер, Е.Н. Кудрявцева, Г.И. Рузавин, П.Д. Тищенко, А.Б. Толстов, Е.Т. Фаддеев и др. Несмотря на существенные концептуальные

⁷⁴ Киященко Л.П., Тищенко П.Д. Эллипсис междуречья: опыт био-концепто-графии // Языки культур: образ – понятие – образ. СПб., 2009. С. 129–155.

⁷⁵ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 168.

⁷⁶ Там же.

расхождения, этих разномыслящих философов связывала в единство, в целостность обсуждений общая тема – экзистенциальная проблема здоровья.

Мне кажется, что для истории философии в нашей стране полезно будет также напомнить, что именно на заседании этого сектора в рамках советско-французского теоретического семинара впервые у нас в стране выступили философы Мишель Анри, Ивон Брес и Изабелла Стенгерс. Идеи последней (совместно с И. Пригожиным) повлияли на следующую в моей биографии тематизацию проблемы целостности в трансдисциплинарном аспекте, выраженную на языке синергетики, самоорганизации, теории порядка и хаоса...

Эта новая вариация в осмыслении проблем целостности для меня связана с работой московской синергетической группы, объединявшей физиков и философов, среди которых В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, Ю.А. Данилов, С.П. Курдюмов, Я.И. Свирский, Д.С. Чернавский. Идея самоорганизации, порядка и хаоса рассматривалась как междисциплинарная, дающая ресурс для преодоления границ научных дисциплин с помощью синергетики коммуникативного общения. В 2001 г. мной была защищена докторская диссертация на тему «Язык когнитивно-коммуникативных стратегий (синергетический аспект)», в которой уже высказывались идеи о трансдисциплинарности как философии синергетики.

В новом тысячелетии идея целостности тематизировалась для меня в категориях трансдисциплинарности, обращение к которой неразрывно связано с переходом от классического проблемоцентризма и предметоцентристской (междисциплинарной) интерпретации к рефлексивному проблемоцентризму постнеклассической науки на примере биоэтического исследования⁷⁷. Последняя в отличие от классических подходов, тематизировавших обсуждение проблем целостности, начинает включать более органично философскую экспликацию используемой методологии, ценностную рефлексию ее социогуманитарного обеспечения, прояснение институциональных матриц проведения трансдисциплинарного опыта. Что потребовало дополнить целостность трансдисциплинарного подхода разработкой проблем этоса постнеклассической

⁷⁷ *Киященко Л.П.* Опыт философии трансдисциплинарности (казус «биоэтика») // *Вопр. философии.* 2005. № 8. С. 105–117.

науки⁷⁸. Концептуальное осмысление проблемы целостности в рамках философии трансдисциплинарности было осуществлено позднее в совместном исследовании с проф. Моисеевым⁷⁹. На этом этапе особое значение приобрели идеи интервального подхода⁸⁰, адаптированные к трансдисциплинарной проблематике⁸¹.

Концептуальные вариации трансдисциплинарного понимания целостности как события. Проблема целостности, единства не всегда в осознанном виде присутствует в многообразии дискурсов, представляющих меж- и трансдисциплинарные направления современной мысли, нацеленных на коммуникативное взаимодействие при решении социально и экзистенциально значащих проблем-событий. В нашем случае существенно, что единство множественных подходов не исчерпывается традиционным рассмотрением «с одной стороны,.. с другой стороны...». И собственно множественность рождается, когда учитываются варианты отношений между подходами как нечто третье, которое совсем не всегда однозначно определяет эти стороны и определяется ими в разделенности. Это место и момент *становления*, которое имеет, если сослаться на Гегеля, форму субъективного *предполагания* в *одном*⁸². И именно неоднозначность и непредсказуемость возможных отношений дает импульс воображению и угадыванию нового, что во многом обуславливает эвристику трансдисциплинарного подхода в поиске целостности, определяющей случившееся как событие. Обозначается зона взаимодействия «с одной стороны,.. с другой стороны...», и на авансцену, хотим мы этого или не хотим, выходит действующее лицо, анонимное или авторское, коллективное и индивидуальное. Учет его субъективных (дис)позиций, например, предпочтения в подходах классических, неклассических, постнеклассических или различных их конфигураций, повышает объективность исследования. В пунктах их взаимодействия при

⁷⁸ Киященко Л.П. Этнос постнеклассической науки // Этнос науки. М., 2008. С. 205–234.

⁷⁹ Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. М., 2009.

⁸⁰ Кураев В.И., Лазарев Ф.В. Точность, истина и рост знания. М., 1988; Новосёлов М.М. Абстракция в лабиринтах познания. Логический анализ. 2-е изд. М., 2010.

⁸¹ Киященко Л.П., Моисеев В.И. Интервальный подход в трансдисциплинарном измерении (онто-гносеологический аспект) // Академия знаний. Симферополь, 2010. № 3. С. 27–36.

⁸² Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 1. С. 150.

стечении благоприятных обстоятельств может возникнуть целостный образ, интегрирующий множественность представлений о проблеме трансдисциплинарного исследования, нацеленного на то, чтобы привести в порядок познавательную деятельность, перманентно находящуюся в стадии становления и обновления.

Инициация такого хода событий в наши дни связана с повышенным научным интересом к тому, что маркируется как *нередуцируемая целостность сложности* – тот потенциальный контекст, в котором, как выражается В.И. Аршинов, «двойная» технокультурная конвергенция только и может в полной мере осуществиться⁸³. Другими словами, сегодня сам поиск целостности приобретает явные очертания интеграционной деятельности, включающей познание и практическое действие в реальном мире, поиск устойчивости в изменяющемся мире⁸⁴.

Искомая целостность и единство – как целевая причина отодвигается подобно ускользающей линии горизонта и в то же время притягивает, переосмысляя, весь массив накопленных знаний и практик, которые постоянно нарушают в достигнутом результате благодущие покоя. Меняется понимание человеческой деятельности, стремящейся к устойчивости⁸⁵. Оно, по преимуществу, приобретает форму корреляции между «как» – *modus operandi*, и «что» – мотивированного (ценностями, нормами, жизненными приоритетами) образом желаемого будущего, совмещающим в сознании и практике действительное с возможным⁸⁶, что по большому счету просматривается в возникновении события.

Здесь можно заметить парафраз традиционной для философии проблемы субъектно-объектных отношений. Постнеклассический вариант его решения, как известно, представлен в трудах В.С. Степина. Нельзя не упомянуть менее известную у нас трансдисциплинарную трактовку этого отношения Б. Николеску. То, что случается в этом ме-

⁸³ Аршинов В.И. Сложность постнеклассических практик и будущее // Постнеклассические практики: опыт концептуализации / Под ред. В.И. Аршинова, О.Н. Астафьевой. СПб., 2012. С. 165–187.

⁸⁴ Klein J.T. *Interdisciplinarity: history, theory, and practice*. Detroit MI, 1990.

⁸⁵ Keestra M. *Understanding human action: integrating meanings, mechanisms, causes, and contexts* // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. М., 2015. С. 201–235.

⁸⁶ Асеева И.А. Трансдисциплинарные подходы к моделированию будущего: инновационный аспект // Там же. С. 526–542.

сте и в это время, Николеску помечает двояко: единство противоположного А и не-А – как логическое отношение, источник зарождения включенного третьего (the included third) и как а-логичное отношение потаенного третьего (the Hidden Third). Скрытое Третье, имеющее отношение к уровням реальности, играет фундаментальную роль в понимании единого мира (unus mundus). Человеческая личность выступает здесь интерфейсом, связывающим Скрытое Третье с миром⁸⁷. Способность стать интерфейсом рождается опытным путем, через переход устоявшихся границ и привычных правил – встать по ту сторону и увидеть новое, иное и в том, что было известно ранее. Развивая умение быть одновременно включенным участником и отстраненным свидетелем, формируя представление о подлинном событии, совместить свободу выбора и ответственного поведения при проведении трансдисциплинарного исследования⁸⁸.

Модуляция взгляда в трансдисциплинарной оптике, в которой по нарастающей все более явно проступает субъектная объективация или объективная субъектность, обозначает возвращающуюся издревле способность видеть себя сразу во всем мире и со всеми вместе в деле. Последнее не могло не отразиться на арсенале познавательных средств и способах практических действий, образующих целостность трансдисциплинарного опыта в индивидуальном и/или коллективном исполнении. «Фактически речь идет о создании делокализованного субъекта коллективного творчества, приготовления специфического когерентного, эмпатического состояния, в котором должны оказаться члены коллектива экспертов, когерентных не только решаемой проблеме, но и друг другу»⁸⁹.

Указанная тенденция концептуализирует классический арсенал познавательных средств, переводя его в регистр социально и гуманитарно обеспечиваемых человеком действий постнеклассической науки. Ее концептуализация формируется при рассмотрении таких ее элементов, как тема, точка зрения, стиль, позиция, поведение,

⁸⁷ *Nicolescu B.* The hidden third and the multiple splendor of being // Там же. С. 61–79.

⁸⁸ *Киященко Л.П., Тищенко П.Д.* Опыт предельного – стратегия «разрешения» парадоксальности в познании // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М., 2004. С. 232–259.

⁸⁹ *Буданов В.Г.* Трансдисциплинарные дискурсы постнеклассики: познание, коммуникация, самоорганизация в антропосфере // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. С. 145–159.

рефлексия, саморефлексия, трансфлексия, учет процессуальности, персонификации. При указанных вариациях общим для них является то, что эти понятия фиксируют искомую устойчивость, порядок в ситуации возникшей неопределенности, которая, например, может быть обнаружена при решении вопроса, что действительно существует, а что только возможно в человеческой деятельности.

Можно предположить, что при проведении трансдисциплинарного исследования становление холистической интуиции, воображения будет расширять возможности аргументов от самосознания и личного опыта, не отменяя существующие традиционно аргументы от реальности, аргументы от общественного установления, аргументы от логики. При этом обостряется проблема общественного и личного внимания и понимания необходимой ответственности за интуицию⁹⁰.

Итак, происходит расщепление непосредственной данности. В первую очередь непосредственно данное становится гетерогенным. И это происходит потому, что в роли непосредственно данного, удостоверяющего наше существование, все чаще выступает слово-имя, прошедшее проверку на возможность замещения им чувственно-осязаемой предметности, вещи. Воспитываемая способность слова давать наглядные образы предметности, отсутствующие в непосредственном «поле видимости», порождает идеальную сферу бытия. Где вступает в силу опять непосредственное, но в данном случае непосредственное «прикосновение» уже к смыслу (если повезет), когда слова, его принесшие, стали нужны уже в этом качестве. Смысл воспринят как существующий, когда он породил необходимость его выражения в словах воспринявшего его, – но уже в своих словах. «Разрыв» между словами, который восполняется временным «зависанием» бессловесного смысла, порождает представление о потоке сознания как о разновидности непосредственного опыта, вытянутого в линейную последовательность такого рода событий. Однако использование слова чревато и иной ситуацией, ситуацией «развилки». Слово закрепляет возможность выразить как сущностное единство, так и фактическое многообразие, обусловленное ситуацией личного проживания. В нашем случае можно рассматривать решение проблемы существования в форме построения некоторой «своей» онтологии случившегося события.

⁹⁰ Герасимова И.А. Типы аргументации и их возможности в трансдисциплинарном диалоге // Там же. С. 433–450.

Для построения последней необходимо как первое, так и второе, как сущностность, так и фактичность существования. То, что у Хайдеггера вводится как «чтойность» (сущность) и «факт бытия» – элементы любого сущего, то, что определяет бытие сущего⁹¹. Другое дело, что акценты у первого и второго всегда ситуационно не равны и расставляются в зависимости от выбранной точки зрения.

В этой связи можно говорить лишь о пересечении понятий «событие» и «факт» в отношении существования онтологических построений. Отличие события от факта состоит в том, что событие коррелятивно всему универсуму языка. Факт есть пропозиция, истинная в рамках данного текста, который представляет собой особый случай употребления некоторого языка, особый «подъязык», ограниченный определенными логико-лингвистическими условиями⁹². В этом случае событие и факт разведены, и о событии мы говорим, когда существование не ограничено жестким контекстом употребления. Факт становится событием, когда преодолеваются ограничения, делающие «положение дел» устойчивым за их границами. В первую очередь это происходит из-за того, что ему дается оценка, апеллирующая к его смыслу и значению, выходящим за рамки непосредственного применения. Последнее неизбежно влечет расширение контекста его рассмотрения и привлечение иных выразительных средств. Событие – это то, что в большей степени связано с сущностным проживанием, которое отнюдь не всегда имеет до конца и исчерпывающее словесное выражение. И тогда, очевидно, стоит различать в самом событии его результативные и процессуальные компоненты. Событие как результат одновременного (когда, как говорится, все «совпало»), но не обязательно связанного общим местом взаимодействия и даже, возможно, в принципе до конца не проясненного состава его участников. И событие как со-существование, как процесс взаимной коррекции и сопряженности сущностного проживания и фактического исполнения образует динамику онтологических представлений в целостном исполнении.

Можно выделить еще один смысловой пласт, объединяющий вопросы «что?» и «как?», и именно он определяет специфику той или иной философской мысли как таковой, претендующий на це-

⁹¹ Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М., 1997. С. 129–130.

⁹² Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 54.

лостность представления. Это выбор, предпочтение философа в рассмотрении одного из этих вопросов при обязательном, но неявном присутствии своего необходимого визави. Последнее переходит в состояние, близкое к тому, что может быть представлено как «фигура умолчания», как предпосылка, действующая по принципу «само собой разумеющегося». Таким образом, если идет, например, рассмотрение гносеологических вопросов, то онтологическая проблематика уходит в «фон», который тем более хорош, чем менее его видно, но от этого он не становится менее необходимым. Так же обстоит дело и в том случае, когда предметом рассмотрения становится онтологическая проблематика. Перманентное воспроизводство онтологических представлений, поиски решения вечно актуальных вопросов существования знаменуют собой сохранение события самой философской мысли. Понятно, что построение онтологических теорий дело профессиональных философов, но озабоченность проблемами существования остается основным мотивом человеческой деятельности, направленной на ее сохранность и целостность.

Трансдисциплинарность, наследуя традиции синергетического плана исследования, «сосредоточивает внимание не на состояниях гомеостаза структуры, порядка, достаточно изученных кибернетикой, а на кризисных переходных, пограничных состояниях системы, там, где не может быть стабильной структуры, порядка, где сложность врывается в наше понимание происходящего, опрокидывая привычные представления и наработанную интуицию. Но существуют ли общие причины, механизмы самого становления? Безусловно, они заложены в самом понятии события, как со-бытия – совместного бытия, встречи двух начал, как случая, от случаться, совершать акт зачатия. Такой креативный (порождающий) взгляд на становление, как событие существовал в культуре всегда. Он представляется, говоря современным системным языком, креативной триадой: *Способ действия + Предмет действия = Результат действия*, и закреплен в самих глагольных структурах языка; в корнях двуполой асимметрии человека как биологического вида; в образах божественного семейства древних религий, в космогонических мифах и философиях – ЛОГОС + ХАОС = КОСМОС (Платон, Аристотель); Пуруша (дух) + Пракрити (материя) = Браман (проявленная Вселенная) (Веды). Возникновение реальности как одухотворение материи, отсюда и творчество как вдохновение, и

душа в христианстве как сплетение и борьба духовных и телесных (материальных) начал в человеке⁹³. «Итак, креативная триада имеет принципиально временную причинно-следственную природу, хотя время не обязательно физическое, оно вполне может быть в воображаемом литературном сюжете или даже возникать в мыслительном акте, например, “взятии функции от x”. Вообще любой реальный или воображаемый процесс или действие наше сознание разворачивает в некоторую временную последовательность»⁹⁴.

Отнесение того или иного частного случая из повседневной жизни к категории события зависит, с одной стороны, от общей картины мира в данном типе культуры, а с другой – от осознанности его участником. Событийность повышается по мере его неожиданности. Полноценное событие подразумевает некоторую парадоксальность. Парадокс – это противоречие «доксе», т. е. общему мнению, ожиданию. В нем должно присутствовать качество трагедийной «апории» или «амехании», содержаться императивное требование к научному, философскому, богословскому и иному дисциплинарному осмыслению, т. е. трансцендирующему выдвиганию за пределы жизненного мира в поисках теоретически обоснованной идеи истины или блага, претендующей на статус всеобщего. Однако сложность экзистенциальных проблем в трансдисциплинарности (например, в биоэтике) такова, что ни одно из дисциплинарных обоснований при всей необходимости не может претендовать на достаточность. Истина сталкивается с истиной, благо с благом, правда с правдой, вызывая апорию разума, генерирующую пара-доксальный трансгрессирующий импульс поиска основания и обоснованности, но уже в сфере коммуникаций жизненного мира – в сфере общезначимого.

Интервальная ситуация между антитетически выделенными утверждениями образует опыт трансдисциплинарности, который может обрести видимость в философии трансдисциплинарности, нуждающуюся для своего воплощения личностного осуществления этого вида опыта.

⁹³ Буданов В.Г. Когнитивная психология или когнитивная физика. О величии и тщетности языка событий // Событие и Смысл (Синергетический опыт языка). М., 1999. С. 49–50.

⁹⁴ Там же. С. 51.

4. ИЗМЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И ЛИЧНОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ – ДИСПОЗИЦИЯ ВЫБОРА

Диспозиция выбора в измерении личности и личностном измерении поступка содержит в себе одновременно оппозицию и возможную композицию их взаимовлияния. Личностное – это качество индивидуализирующей себя человекомерности в статусе ответственного поступка, в ситуации не-алиби в бытии (М. Бахтин). Саморефлексивность личности («узная себя») – черта, имманентно присущая культуре и в идеале каждому ее носителю. Исторические, этнические и иные особенности практик «узnavания себя» намечают специфику культуры в целом и находят свое проявление в личностной диспозиции выбора действующего лица. Диспозиции находят свое выражение в различении языков человекомерности (языка количественных пропорций, установленных норм и стандартов, аналитики дискурса – машинерии бездушного и бездуховного автомата) и человекомерности (языка описания взаимовлияний в становлении нового качественного состояния – амехании творческого начала). Интервал между указанными позициями рождает язык поступков, который схватывается не в теоретических конструктах и не нерелексивных повседневных суждениях, а в концептуализации событий жизненного мира. Концепт в таком понимании предоставляет возможность в каждом совершаемом акте видеть не только частное или даже порой случайное событие, но и то, что выходит за его границы в мир предполагаемого, целостного видения, сопрягая измерение личности и личностное измерение в мифопоэзисе диспозиций. Трансдисциплинарность нарабатывает рефлексивную «оптику» на отслеживание личностного становления (поэзиса) возможных диспозиций в актуальной пространственно-временной (хронотопической) конфигурации жизненного мира в пределах данной культуры.

Мифопоэзис диспозиции выбора. Бахтин считал, что «подлинная жизнь личности совершается как бы в точке этого несовпадения человека с самим собою, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие, которое можно подсмотреть, определить и

предсказать помимо его воли, “заочно”. Подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя»⁹⁵. Естественное желание человека сохранить «себя» как верующего, как живое природное тело, как культурную личность обязано, если не отказывается от «себя», обеспечить открытость новому через обращение к себе как возможности становления иным. Инновационность человеческого присутствия в мире подспудно пребывает «в себе» бытием (если использовать гегелевский оборот). В современных обстоятельствах она становится «для себя» бытием, т. е. предметом сознательного внимания и заботы, учитывая потенциал неисчерпаемости бытия «в себе». Другими словами, заглядывая за пределы себя, человек в то же время оглядывается на себя как возможность самого себя. Он надеется при этом узнать себя в том, что в нем было, может быть, предугадано, но не востребовано, и предвидеть в себе то, что может случиться как загаданное. Парадоксальность заглядывания за рамки себя состоит в том, что «возможность себя» открывается не просто как прокурсивное узнавание себя в некоторой возможной новации (неважно какого рода), но и как такое дискурсивное действие («челночное») связывание в языке жизненных неповторимых событий), которое содержит в себе план рекурсивного возвращения (обращения) к началам как повторяющемуся различению «себя». Аналогичным образом происходит и научное заглядывание за грань того, что в природе есть, раскрытие ее (природы) бытия в возможности – то, что составляет предпосылку последующих технологических изобретений. Но одновременно ставится вопрос о необходимости сохранения нетронутой, «дикой», неосвоенной и не присвоенной человеческим потреблением природной среды обитания. Той природы, которая существовала в начале исторического развития человека и сохранилась до сих пор. В этом двуплановом инновационном «заглядывании» за пределы себя и природного мира разворачивается собственно философское дело промысливания начал осново-полагающих различений культуры и природы, мысли и бытия. Дело философии трансдисциплинарности.

Способность увидеть и отследить трансформации существующего и появление нового в области философско-культурологических и научных исследований вершится как бы с середи-

⁹⁵ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 100–101.

ны, поскольку уже включена и погружена в ранее сказанное и застигнута врасплох вопросом из будущего, вставшим поперек пути, намеченного традицией. Мысль человека, понуждаемая извечным стремлением к познанию, движется от непроблематичного с виду самоочевидного начала, предположенного к разворачиванию «действительности существующего в возможности» (Аристотель). Здесь главенствует метафизика относительности: «Все существующее с самого начала отнесено к другому и определяется через эту отнесенность»⁹⁶. Причем эта отнесенность хронологична, позиционируя себя в здесь-теперь через различия во времени и пространстве (диспозиции), что в свою очередь формирует предпосылки поэзиса – производства артефактов культуры в ее специфичных композициях. Подчеркну, диспозиционность начала всецело ориентирована на продуцирование множественных композиций и составляющих их различий⁹⁷, которые связывают в единство произведения данной культуры, ее творческие искания целостности. «Имеется немало экспериментальных и теоретических данных, свидетельствующих о наличии установочных или диспозиционных механизмов регуляции социального поведения личности. Следует отметить, что работающие в этом направлении исследователи стремятся интерпретировать опытные данные исключительно в рамках того или иного диспозиционного образования, положенного в основу соответствующей теории или концепции»⁹⁸.

Двигаясь в этом направлении, мы тем самым идем к началам мыслительной деятельности, к истокам культуры. По словарю В. Даля, «начало – [это то] чем начинается бытие или действие; один из двух пределов, между коими заключено бытие, вещественное либо духовное; почин, зачин, искон, зачало, источник, корень, рождение, исход <...> Первый источник или причина бытия; сила рождающая, производящая, создающая <...> Первые и главные истины науки, основания ее, основы знания <...> Стихия, одна из основных составных частей, принимаемых как бы за неделимое, за нечто целое, однород-

⁹⁶ Гайденко П.П. К предистории становления новоевропейской науки // Философия. Наука. Цивилизация. М., 1999. С. 29.

⁹⁷ См.: Гречко П.К. Диспозиция: онтологическая перспектива и коммуникативная аппликация // Вопр. философии. 2012. № 4. С. 99–100.

⁹⁸ Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 90.

ное...»⁹⁹. От того, как позиционирует себя культура в хронотопической сети отношений к собственным началам, какие вводит диспозиции (различия) и интервалы их внутри себя неразличенностей – «как бы» неделимостей, «как бы» целостностей, «как бы» однородностей, «как бы» реальностей и т. д. – зависят ее творческие компетенции производить исторически особые композиции культурных произведений, становящихся событиями. В «миге настоящего», обращенного к началам, «акмеистически» свершается во все «времена» (В. Рабинович), формируется рекурсивная рефлексия как способность обращаться к своим началам в горизонте будущих свершений. В интервале диспозиций с условно выделенными границами-оппозициями, между которыми возникает напряжение порождения нового смысла, не сводящегося полностью ни к одному из выделенных пределов. Можно оценивать интервальный подход как устанавливающе-фиксирующую процедуру, как исчисление всякой теории действительного, а можно как некоторую «шкалу мер» измерения личности и личностного измерения. Только надо иметь в виду, что интервальный подход имеет неустойчивый самонастраивающийся характер, ориентированный на конкретные обстоятельства, порождающие неопределенность ситуации, но в которой однако надо принимать ответственное решение, значимое и за ее границами. Вопрос об интервальном подходе как о «мере предметной истинности и границах применимости понятий и теорий» не является однозначным, поскольку сами границы являются лишь условно закрытыми. Допуск амбивалентного мысленного оценивания познаваемой ситуации и свершающихся в ней событий означает шаги в сторону целостного ее видения в трансдисциплинарной перспективе. Поиски «золотой пропорции» в структуре интервального подхода окрашены человеческим выбором. Можно согласиться с мнением, что знание само по себе не представляет ценности, если не сопряжено с выбором, т. е. принятием решения, и последующей его реализацией, действием-применением, которое снимает данную амбивалентность и прорастает иной в ситуации фиксируемой уже неклассической рефлексией¹⁰⁰.

⁹⁹ *Даль В. Начало // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. СПб.; М.:1881. С. 494.*

¹⁰⁰ *Киященко Л.П. Простота сложности и сложность простоты (мерность различения) // Философия науки. Вып. 18: Философия науки в мире сложности. М., 2013. С. 287–292.*

Мера простоты сложного или сложности простоты в личностном измерении провоцирует эффекты становления и в предмете мысли, и в самой мыслительной деятельности. Это происходит в результате смещения внимания между оппозициями, выделенными в мыслительной деятельности, в которой действия аналитической «разборки» и повествовательной «сборки» оказываются дополнительными друг для друга актами. Причем рассматриваемая антитетика простого и сложного является лишь одним из примеров мыслительной деятельности, примиряющей характерные для нее нестыковки, противоречия, конфликты мнений, амбивалентности рассуждения в философской рефлексии над ходами мысли. Сборка простого в сложное, осуществляющаяся на одной стороне мышления как ленты Мёбиуса, сопровождается противоположным действием разборки сложного на простое – на другой. Таким образом представленная динамика вносит подвижность и неопределенность и в мысль, и в предмет. Хайдеггер не случайно назвал удел мышления «разборчивым собиранием», которое, судя по всему, происходит через и по мере возникающих со-отношений между условно выделенными разнонаправленными движениями мысли – разборкой (аналитикой) и сборкой (синтезом).

Для каждого исторического этапа развития науки характерны свои особые практики разборчивого собирания. В классической науке антитетика простого и сложного наиболее интересно осмыслена в философии И. Канта. С точки зрения критической философии Кант утверждает, что выходом из затруднительного положения может быть лишь соотнесение противоречащих суждений с возможным опытом. «Только возможный опыт может сообщить нашим понятиям реальность; без этого всякое понятие есть лишь идея, лишенная истины и отношения к предмету. Поэтому возможное эмпирическое понятие было масштабом, по которому необходимо судить об идее, есть ли она только идея и вымысел, или же она находит в мире соответствующий предмет»¹⁰¹.

Измеряя мерой (масштабом) возможного опыта, классическая наука (в лице Канта) выстраивала рациональные отношения с познаваемым миром, наделяя те или иные представления статусом реальности. С этой точки зрения, вопрос о соотношении простого и сложного решается всецело в рамках представления о кон-

¹⁰¹ Кант И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. С. 450.

кретном возможном опыте. В какой степени исследуемый объект выступает как сложный, а какие его характеристики рассматриваются как простые в пределах именно этого опыта – на этот вопрос нельзя дать априорного решения. Характерное для разума желание добиться абсолютной целостности реально не осуществимо. Кант подчеркивает: «Например, явления, происходящие в телах, вы несколько не объясните лучше или хотя бы по-иному, допустите ли вы, что они состоят из простых или всегда сплошь из сложных частей; ведь вы никогда не встречаетесь ни с простыми явлениями, ни с бесконечным сложением. Явления требуют объяснения лишь постольку, поскольку условия их объяснения даны в восприятии, но все то, что может быть дано в них, собранное в абсолютном целом, вовсе не составляет восприятия»¹⁰². Простота и сложность, т. к. они даны в явлении, в реальном опыте, как раз предполагают «меры» их использования для данного случая – не в целом, а в этом конкретном случае. При этом план мышления мира в целом не исчезает, а сохраняется в виде проблемы. «Так как посредством космологического основоположения о целокупности максимум ряда условий в чувственно воспринимаемом мире как вещи в себе не дается, а только может быть задан в регрессе этого ряда, то упомянутое основоположение чистого разума в своем уточненном таким образом значении сохраняет свою силу, правда не как аксиома, по которой целокупность в объекте следует мыслить действительной, а как проблема для рассудка, следовательно, для субъекта, с тем чтобы устанавливать и продолжать регресс в ряду условий для данного обусловленного сообразно с полнотой идеи»¹⁰³.

Для Канта и классического разума проблема была характеристикой неполноты знаний субъекта. Целое не дано, а задано, или точнее – загадано разумом субъекту как цель его познавательного движения. Для современной не- и постнеклассической науки проблема из характеристики недостаточности познающего субъекта становится собственной характеристикой объекта исследования. Поэтому роль разума антитетически удерживающего контекст целого, данного как интервал «простое–сложное», уже не просто «регулятивна», но и конститутивна. В результате столь фундаментального преобразования мыслительной ситуации меня-

¹⁰² Кант И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. С. 446.

¹⁰³ Там же. С. 462.

ется, в некотором смысле усложняется смысл самой сложности – так, что в современной философии науки появляется новый термин «сложность» (complexity) (Э. Кастельс, В.И. Аршинов). Естественно, в этой ситуации не избежать и рассуждений о новой сложности простоты. Мне представляется, что антитетика «простое–сложное» через рассмотрение простоты сложности и сложности простоты получает оригинальное истолкование в интервальном подходе, способном выразить как антитетику классического подхода, так и специфику методологии трансдисциплинарности, ориентированной на разрешение (необходимость рассмотрения мерности различия) имманентной парадоксальности в современном научном познании, выходящей на уровень философской рефлексии. Начнем с особенностей последнего.

Парадоксальность современной философии науки способствует тому, что антитетичность становится доминирующим стилем мышления, а противоречия – важнейшим объектом исследования. «Логически закономерно вырос интерес и к антитетической основе концептуальных систем»¹⁰⁴. При этом «нарочитая двусмысленность подобных кентаврических образований подчеркивает то обстоятельство, что выраженный в них смысл схватывается лишь в соотносительности употребляемых терминов, мерцающая и устанавливая где-то в промежутке различия»¹⁰⁵. Указанные кентаврические образования можно оценивать как «взрывной заряд» (Ю. Хабермас), значительно усложняющий традиционные отношения классической субъект-объектной оппозиции. Не отменяя, но всякий раз заново переосмысливая динамику отношений, опираясь на потенциал субъект-объектной оппозиции, целостность постнеклассической философии приобретает открытый процессуальный (становящийся) характер. Процессуальность трактуется в данном случае как перманентное человеческое стремление к идеальной и завершенной целостности, а открытость – как включение в круг рассматриваемого того, что находится на периферии, «вокруг». Одним из следствий, а может быть, и причиной последнего является современная востребованность фундаментальных исследований в практическом использовании (известный феномен ком-

¹⁰⁴ Гаврюшин Н.К. Антитетика в концептуальных системах//Систем. исслед. Ежегодник 1976. М.: Наука, 1977. С. 239.

¹⁰⁵ Разинов Ю.А. «Я» как объективная ошибка. Самара, 2006. С. 139.

мерциализации науки) и нуждаемость практики в теоретико-философском обеспечении своего функционирования, включающем нравственное и ценностное измерение. Если классическая антистетика простого и сложного так или иначе апеллировала к проблемам движения в концептуально замкнутых дисциплинарных мирах, то процессуальность трансдисциплинарного опыта строится на учете эффектов становления в когнитивно-коммуникативной среде жизненного мира, антитетическими интервалами которого выступают концепты сложностности и сложностной простоты. Итак, целостность трансдисциплинарной философии возникает в интервальной ситуации (между) антитетических утверждений, организующих опыт трансдисциплинарности.

Простота сложности и сложность простоты (мерность различения) трансдисциплинарности – это пространство живого опыта, точки схождения теории (дисциплинарного знания) и практики (экзистенциальных проблем жизненного мира). Пространство живого (трансдисциплинарного) опыта возникает «между» множественностью его гетерогенных (парадоксальных) составляющих, который заново, спонтанно (*sponte* (лат.) – ‘из самого себя’) способен переоткрывать ранее известное. В этом смысле трансдисциплинарная философия является ярким подтверждением высказывания Мерло-Понти: «Философия существует всюду, даже в “фактах”, но у нее нет такой среды, где она не была бы заражена жизнью»¹⁰⁶. Основания философии трансдисциплинарности амбивалентны. Они подлежат дальнейшему развитию и в то же время содержат вопрос, доступный эмпирической разработке, но имеющий универсальный смысл¹⁰⁷. Они вводят в обоснование противоречивые утверждения – целостность трансдисциплинарного философствования всякий раз ставится под вопрос.

Значит ли, что философия трансдисциплинарности – это не философия? Скорее всего, нет. «Примеры такой вовлеченности философии, – замечает Хабермас, – я наблюдаю всюду, где философы вместе со всеми участвуют в разработке теории рациональности, не выдвигая фундаменталистских или же всеобъемлющих абсолютистских притязаний. Скорее, они работают в нетвердой

¹⁰⁶ Мерло-Понти М. В защиту философии. М., 1996. С. 102.

¹⁰⁷ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М., 2000. С. 27.

надежде, что только благодаря удачному сочетанию различных теоретических фрагментов удастся достичь того, что философия некогда рассчитывала добиться в одиночку»¹⁰⁸. В этом высказывании Хабермаса – и с учетом тех идей, которые изложены в работе «Моральное сознание и коммуникативное действие» – звучит рефреном следующая мысль автора. Философское мышление, которое не отказалось от решения проблемы рациональности, в рассматриваемых обстоятельствах обнаружило себя лицом к лицу с «двойкой потребностью в опосредовании». Не только и не просто наблюдение философа, но и участие его в роли «интерпретатора-посредника», переводчика, опосредующего общение между миром повседневности и сферами науки, морали и искусства, заключенные в оболочку экспертных культур. Хабермас подчеркивает и в этом спорит с Рорти, что «всякое согласие, достигаемое и воспроизводимое в коммуникации, должно опираться на некий потенциал вполне уязвимых оснований, но именно оснований. Основания сотканы из особой материи; они понуждают нас высказаться за или против»¹⁰⁹. Выделенные основания уязвимы постольку, поскольку то, «что нам считать оправданным, зависит, в перспективе первого лица, от возможности обоснования, а не от действия жизненных привычек»¹¹⁰, последние нас только усредняют. Они понуждают нас, действуя наподобие регулятивного принципа, поскольку притязания на значимость наших убеждений выходят за ограниченные пространственные и временные рамки данной ситуации.

Перспектива первого лица – это перспектива личностного, не повторимого никем отношения, она дает единственную привилегию – привилегию быть свободным, рисковать и отвечать за содеянное и быть самим собой в любой ситуации. Эта перспектива, сошлемся на мнение М. Хайдеггера, «приоткрывается еще и как обеспечение возможности обаявания и обязательности вообще. Только свобода способна дать присутствию меру мирящего мира. Мир никогда не есть, он мирит». Хайдеггер, соединяя в человеке, ссылаясь на Канта, различает: «знать мир» (свет) и «быть в мире» (в свете). Эти два выражения, хотя оба они ориентированы на эк-

¹⁰⁸ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М., 2002. С. 28.

¹⁰⁹ Там же. С. 33.

¹¹⁰ Там же.

зистенцию человека, означают все-таки разное, «поскольку один (знающий свет) лишь понимает игру, которую наблюдал, второй же участвовал в игре»¹¹¹. Динамический и самонастраивающийся интервал мерности различения дает возможность описать основание единства множественности единств трансдисциплинарного опыта, давая тем самым форму (меру) для его выражения и через уподобление – категориальное описание трансдисциплинарной антитетики «простое–сложное». Мерность снимает/сохраняет различие в примирении противоположностей, в разрешении парадоксальности трансдисциплинарного опыта. Данная формулировка (единство множественности единств) является кардинальной для понимания сути философии трансдисциплинарности. Основанием нового понимания единства оказывается не объективность и всеобщность полубожественного субъекта классической науки. Эта позиция сохраняется, но она ставится под вопрос контекстуальностью своих оснований. Учет указанной зависимости способствует ее трансформации. Личностно мотивированный ответственный поступок субъекта, включенного в проведение трансдисциплинарного опыта, становится его необходимым, дополнительным аккомпанементом. Он дает возможность участному субъекту мыслить в ситуациях перманентного кризиса и неустойчивости, с которыми современный человек сталкивается в своем опыте, сочетая «бытие в становлении и становление в бытии» (Ж. Делёз). Тем самым выстраивая ответственные отношения с миром и самим собой, ориентированные на подвижные образы устойчивости.

Ситуация самонастраивающейся мерности различения, таким образом, вновь делает актуальной проблему индивидуально-личностного решения, возникающую в области, которая имеет точечный, поверхностный или глубинный характер пересечения универсального (всеобщего) и общезначимого, дающего эффект единичного (особенного). Повторение ситуации в таких случаях предопределяет неповторимость, отклонение, что обуславливает уникальность ее разрешения, поскольку повторение замечается только в неповторимом повороте, казалось бы, знакомых обстоятельствах. Динамика хронотопа подобных событий имеет свой, можно сказать, повторимо-неповторимый язык. Этот язык воз-

¹¹¹ *Хайдеггер М.* О существе основания / Пер. с нем. В.В. Бибихина // *Философия в поисках онтологии: сб. тр. Самар. гуманитар. акад. Вып. 5. Самара, 1998. С. 108.*

никает как экспромт, близкий к описанию через косвенные контекстуальные указания-приметы, а не к утвердительно-безапелляционности однозначных утверждений, моделирующих нормативный характер желательных (оптимальных) состояний объекта. Возникает интервал нормативного предписания и дескриптивного описания ожидаемого развития событий, перед которым в свой черед встает задача их сопряжения. Задача может быть решена через ситуационное введение (эмерджентное появление) порядка в неустойчивости и становлении, основой которого случается аттестация причастного субъекта и доверие к нему других акторов, возникшее контингентное согласие. Тем самым исполняется перманентная нужда в примеривании безмерного, и в том же акте и в то же время ставятся под вопрос ранее введенные мерности различного, а возникающие ответы помечают пульсацию меры измерения личности (порядка в становлении) и личностного измерения (становления в порядке).

Личность открывает (измеряет) себя как устойчивую идентичность (само-тождественность) и в изумлении застаёт себя на границе с чем-то, что радикально отличается от нее, помечая тем самым момент творческого начинания, себя как проекта себя, т. е. выход за данность в горизонт преданной возможности, таящейся как в культуре, так и в личности. «Каждый человек – конечная, но и развивающаяся субстанция. Но развивающаяся двувекторно: в топике припоминания, но и в утопическом предвидении, в мечте о завтрашнем дне. Это и есть модус личного существования – при сохранности своей неизбывной константности, но и всенепременной изменчивости»¹¹². «Культура растет вверх корнями», считал Поль Валери. Она рефлексивна на амбивалентность своего начала. Мы постоянно размышляем и пытаемся понять (и тем самым переосмыслить) существующий жизненный опыт познания в культуре своего времени. В мире тождественностей и событийных начинаний, непрерывных нитей логических связей и разрывов «вдруг» формируется личностное измерение происходящего вовне и внутри. Выдвигаем теоретические предположения (точку зрения классической рефлексии на видимое). Пытаемся понять мир глобально (универсум) как он есть перед нами, в нашей жизни. Ставим тем

¹¹² Рабинович В. Культура как творчество // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Т. I: Теория культуры. СПб., 2008. С. 316.

самым себя, с известной долей поэтической самоуверенности, в позицию классического субъекта, предлагаем свои понятия (как универсалии) для осмысления и теоретического построения некоего предполагаемого целостного взгляда на мир. «Большая вселенная в люльке у маленькой вечности спит» (О. Мандельштам). Но вот проходит время. Не где-то в стороне, а через нас, через наши жизни, наши слова и поступки, которые порой вне нашей воли или желаний меняют свой смысл. Либо сами обнаруживают в себе ранее не проявленные смыслы, либо приобретают их за счет изменения в языковой среде и практиках использования. Поэтому мысль, пытавшаяся в понятии ухватить смысл уни-версума (или фрагмента, его представляющего) и выразить в опубликованном слове, на самом деле производит поли-версум. Не единое, а множество единств в потоке их изменения-становления, чувствительность к которому формирует рефлексия неклассического типа.

Поэтому понятия (универсалии), чтобы быть понятыми, понятными самому себе и, желательно, другому, должны приобрести статус концептов, семантика которых (в стиле неклассики) определяется диспозициями в конкретном, связанном с биографией конкретного человека контексте «здесь-теперь» жизненного мира. Биографические особенности нуждаются в учете и рефлексивном отслеживании, поскольку с ними оказывается связан процесс поэзиса, творения поли-версума культуры. Хотим мы этого или не хотим, он фундируется позициями, прорастающими в философствующей индивидуальности в био-концепто-графии. Но при этом меняется не только понимание жизни как предмета науки или культуры в целом, мы сами как субъекты размышления (культурной рефлексии) меняемся, причем изменения в этих случаях могут происходить одновременно, проецируясь друг на друга. А могут происходить и с различной, асинхронной динамикой ускорения или торможения с соответствующими смещениями в представлении, устанавливая подвижные диспозиции множественности теоретически представленных единств и пережитых единичных событий. Представляется уместным воспользоваться для прописи этой ситуации высказыванием М. Фуко о диспозитиве.

Что я пытаюсь ухватить под этим именем, – писал о диспозитиве Фуко, – так это, во-первых, некий ансамбль – радикально гетерогенный, – включающий в себя дискурсы, интуиции, архи-

тектурные планировки, регламентирующие решения, законы, административные меры, научные высказывания, философские, но также моральные и филантропические положения, – стало быть: сказанное, точно так же, как и не-сказанное, – вот элементы диспозитива. Собственно диспозитив – это сеть, которая может быть установлена между этими элементами. Во-вторых, что я хотел бы выделить в понятии диспозитива – это как раз природа связи между этими гетерогенными явлениями. Так, некий дискурс может представлять то в качестве программы некой институции, то, напротив, в качестве элемента, позволяющего оправдать и прикрыть практику, которая сама по себе остается немой, или же, наконец, функционировать как переосмысление этой практики, давать ей доступ в новое поле рациональности. Под диспозитивом, в-третьих, я понимаю некоторого рода – скажем так – образование, важнейшей функцией которого в данный исторический момент оказывалось: ответить на некоторую неотложность. Диспозитив имеет, стало быть, преимущественно стратегическую функцию¹¹³.

«В такой системе отсутствует жесткая привязка пути к карте значений, на которой проложены маршруты, имеющие начальный и конечный пункты следования. В ней сплошь и рядом случается, что путь, нисколько не меняя своего направления, каждый раз приводит в новое место. Точнее, в место то же самое, но нетождественное себе, смещенное в сторону от своей находимости, преодолевая сложившиеся границы»¹¹⁴. Топология культурной рефлексии разворачивается на «границе культур», временами одаривая прозрениями неочевидной очевидности. «Мы вдруг сознаем, что горизонт может разомкнуться и стать дверью тому, кто приходит с обратной стороны вещей. Мы сами теперь оказываемся в положении тех, кто видим изнутри разомкнутой линии горизонта. Горизонт прекращает быть воображаемой линией, на которой угасает ослабевающий взгляд. Напротив, он делается сущностной инстанцией созерцания, идентифицируясь с которой можно смотреть как бы с трансцендентной позиции на мир и на себя, поняв себя и мир во

¹¹³ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 368.

¹¹⁴ Орлов Д.У. Природа миметического события // Античный мимесис. Сб. ст., посвящ. памяти К.А. Сергеева. СПб., 2008. С. 184.

взаимном натяжении как завершенное целое. До целого долго дотягиваться не нужно, поскольку оно изначально уже лежит незримой печатью в душе. Нужно лишь суметь увидеть эту печать»¹¹⁵.

В отношении стереоскопической оптики рефлексии принципиально важно отметить следующее обстоятельство. Рефлексирующая способность суждения, по Канту, принадлежит к условиям субъективной мыслимости, но не к явлениям предмета в опыте. Время, работающее в кантовском схематизме, позволяет совершить переход от фигурного синтеза в образе к системе соответствующих понятий, которые представляют собой смысловую структуру физического мира ньютоновского типа. В определенном смысле этот мир является миром науки классического типа в целом. Своеобразной тенью этого мира оказывается бесплотный субъект – точечное «Я», которое (в форме трансцендентального единства апперцепции) сопровождает каждый акт мысли (связывания представлений), обеспечивая его единство и обозначая «собственника» – того, кому эти представления принадлежат – «самосознание, порождающее представление я мыслю... должно иметь возможность сопровождать все остальные представления и быть одним и тем же во всяком сознании...»¹¹⁶.

В.С. Библер предупреждает, что кантовская «способность суждения всегда – в этом ее миссия – путает карты. Она придает серьезным сферам природы и свободы некий метафорический, переносный смысл. И – тем самым – судя о предметах природы как о предметах искусства и судя о предметах искусства как о предметах природы, индивид приобретает пусть узкую, но действительную, а не иллюзорную самостоятельность, возможность определять предметы и поступки не по их собственным законам, но – метафорически! И – в этом смысле – свободно»¹¹⁷. Подчеркнем, что основанием этой свободы является удерживаемая от разрешения в рефлексирующей способности суждения и буквально воплощенная в самом человеческом существе – его жизни – тайна сверхчувственного непостижимого основания. Удержать эту тайну от растворения во всегда уже известном и знакомом призвана диспозиция трансфлексии – шкала измерения личности. Идея трансфлексии близка, хотя и не

¹¹⁵ Орлов Д.У. Природа миметического события. С. 368.

¹¹⁶ Кант И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. С. 192–193.

¹¹⁷ Библер В.С. Век Просвещения и критика способности суждения. Дидро и Кант. М., 1997. С. 25.

совпадает, с понятиями «конкретной рефлексии». В определенных аспектах она созвучна и понятию «синергетической рефлексии» (В.И. Аршинов, Я.И. Свирский). Она служит в качестве дополняющего такта к классической процедуре философской рефлексии и отличается учетом нелинейности событий общения (со-общений).

В стратегиях трансфлексии «луч света» понимания не возвращается в исходную точку, а отклоняется. И это отклонение (нетождественное) воспринимается не как результат несовершенства опыта, но как обнаружение собственной, имманентной нетождественности предмета мысли самому себе, его собственной открытости поэзису становления. Поэтому смысл, сущность, сознание, субъект, объект и другие предметности мысли, которые в актах рефлексии обнаруживаются как предсуществующие (к примеру, априорные в кантовском смысле), в опыте трансфлексии засекаются как порождающиеся в нем. Причем каждая порождается вместе с соответствующим словом как событием речи. Трансфлексия как обосновывающая процедура призвана удержать зону соизмеримой открытости друг другу и нуждаемости друг в друге (толерантности в отношении себя и другого), защитить от рефлексивных «снятий». Рефлексия и трансфлексия не отменяют друг друга. Они находятся в кон-такте, определяя (устанавливая пределы соизмеримости) то, что говорящий или пишущий может знать, внимая себе и другому. При этом трансфлексия обращается не к понятиям, являющимся средством классической рефлексии, а к концептам как своеобразным творческим зародышам мысли. В судьбоносной игре культуры, за счет высвобождаемых сил поэзиса в сложной оптике хроно-топической динамики рефлексии полярно представленных интервалов диспозиций рождается, по выражению В.С. Библера, «мир впервые» и человек в состоянии «постоянного заново-рождения», в поле личной ответственности и труда души¹¹⁸.

Но описанная ситуация воспроизводит и традиционное «философствовать – значит мочь начать» (Р. Сафрански). Особенность стилистики свидетельствующего со-бытийного философствования в данном месте и времени состоит в осознании ответственности не только в отношении выбора себя, но и в отношении сохранения открытости (коммуникабельности) другому. В апелляции

¹¹⁸ Мамардашвили М.К. Необходимость себя. Лекции. Ст. Филос. заметки. М., 1996. С. 356–357.

к непреходящим человеческим ценностям. Эффект осознания ответственности порождает неповторимый вкус к присутствию свободы в сотворении своей биоконцептографии, произведения свой жизни.

Трансдисциплинарность в выше отмеченном понимании остро поднимает вопрос о роли и месте человека (индивида, личности и субъекта) в рассматриваемом движении мысли и деятельности в сообществе, поднимает в очередной раз в новых обстоятельствах проблему человеческого в человеке. Как представляется, можно высказать следующую гипотезу. Сфера человеческого – это в некотором приближении область трансдисциплинарного взаимодействия, как она была описана выше. Первым движением на этом пути будет положение, что практически-предметная и творческая деятельность, воплощающая человеческую целостность в конкретных формах реализации единства духовного и телесного, материального и идеального, априорного и конкретного, идеалов и действительности обусловлена мерой представленности индивидуального начала и степени развитости личностного потенциала. Она выступает как конфигуратор диспозиции, вмещающей в себя функцию критического самосознания, способность преодоления самого себя в познании нового и восстановления нарушенного в основах жизнедеятельности. При практическом воплощении этого сложноорганизованного действия явным образом проступает то, что, по мнению М.А. Розова, не учел Т. Кун. А именно, что «науку творят личности, а не машины, а свойством личности является как раз способность не только играть, но и выбирать роли. Именно личность, ее полифункциональность является тем зарядом, который взрывает куновскую парадигму»¹¹⁹. Розов в этом контексте говорит о парадигмальном творчестве, о соединении, казалось бы, не соединимого, когда один и тот же объект и – добавим от себя традиционную ему оппозицию – субъект функционально переосмысляются, становятся инверсивными. Акт инверсии ведет к взаимному обогащению разных традиций в исследовании, указанная трансформация происходит, как можно было заметить, через сдвиг, замещение порой одного другим, что приводит обычно к появлению не всегда предсказуемо нового.

¹¹⁹ *Розов М.А.* Пути научных открытий // Реальность как социальные эстафеты (памяти М.А. Розова). М., 2015. С. 179.

Практически-предметная и творческая деятельность, воплощающая человеческую целостность в конкретных формах реализации единства духовного и телесного, материального и идеального, априорного и конкретного, идеалов и действительности, обусловленная мерой развитости личностного начала, – как «метаинстанции», которая в идеале должна обладать функцией критического самосознания, способностью преодоления самого себя в познании нового и восстановления нарушенного в основах жизнедеятельности.

**5. ЭТОС, ЛОГОС, ПАФОС –
РИТОРИКА ФИЛОСОФИИ
ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ**

Вместо заключения

Естественный язык повседневности в сложном сочетании бытового, языка массовой культуры, адаптированных «отголосков» языка высокой рефлексии, язык габитуальных привычек сохраняет за собой статус перманентного предшествования специального его рассмотрения. И он же одновременно формирует способность выхода из наивно-непосредственного отношения к своей умственно-словесной работе, когда наивная, непосредственная риторика, по выражению С.С. Аверинцева, сменяется теоретической. «Новая риторика» предполагает место для индивидуальной риторики внутри дедуктивно определяемой и решительно надличной, даже надвременной нормы. Отмечается, что время универсальных норм, «культуры готового слова» безвозвратно ушло. Рефлексия, лежащая в основе как риторики, так и диалектики, бифункциональна и преследует разные цели. В первом случае – убеждение, во втором – рассуждение. Риторика, как и диалектика, по своему генезису и по способу осуществления применима ко всем сферам человеческой жизни, то есть она по сути трансдисциплинарна и охватывает основные параметры парадигмального строя мысли и деятельности – этоса, логоса и пафоса.

Риторика языка трансдисциплинарного диалога.

Естественный язык в первом приближении к нему как кажется совпадает с повседневной реальностью. Однако уже на уровне здравого смысла существует предпонимание, что естественный язык сохраняет статус одной из независимых структур этой реальности. Ведь языку мы обучаемся с рождения. «Отождествляющее различение» проблематизирует сам феномен естественности языка. Само «определение» языка как естественного как бы предполагает его беспроблемность, достаточность при описании обыденного опыта повседневной реальности, однако он лишь изначально ориентиро-

ван на ее полный охват. Повседневность сохраняет тот неязыковый «азор» реальности, который перманентно пытается преодолеть естественный язык. Естественный язык и повседневность в своем взаимодействии образуют все более расширяющуюся сложноорганизованную сферу пересечения между собой, но при этом они, как очевидно, никогда не совпадут друг с другом полностью. Образ пересечения необходимо дополнить, так чтобы было видно, что в самом языке присутствует феномен «неязыковости» (например, в виде семиотических компонент – звук, тембр, интонация), как и в повседневности присутствует помимо языка то, что существует и воспроизводится по нормам и образцам, воспринятым с детства (например, привычки, правила поведения). Это обстоятельство указывает на общую черту, присущую и естественному языку, и повседневной реальности – способность ускользания от окончательного определения. Но в устремленности к доопределению себя (через другое) – залог самодостаточности каждого из них.

Таким образом, можно, парадоксально заострив, сказать, что самодостаточность, удостоверяющая, в частности, тождественность самому себе каждого из рассматриваемых феноменов, покоится на их открытости и тем самым перманентной незавершенности. Естественный язык черпает из структур повседневности свои постулаты-допущения, основанные на очевидностях, уместных и пригодных к употреблению в данной ситуации. Локализованность применения, хронотоп естественного языка ответственен за то, что в нем благополучно уживаются «предвестники» будущих дихотомий философских и научных теорий. Закон исключенного третьего, скрытое третье тройной спирали (и то, и не то) свободно «разгуливают» в пространстве естественного языка. И затихает его буйство лишь локально, как говорят, «здесь и теперь». Тем самым сам феномен естественности может быть истолкован как критерий соответствия принятым локальным допущениям. О естественности языка мы рассуждаем с позиций, имеющих преходящий, исторический характер. (Например, говорят о языке естественного света разума, *lumen naturale* современного человека. Для последнего одним из критериев естественности языка является его прозрачность, незамечаемость, когда язык, как непокорная для рационализации стихия, может быть нейтрализован (В.П. Визгин) как неестественность.) Эти допущения не всегда явно и осознанно

сформулированы самим же естественным языком, некоторые из них присутствуют в языке неязыковым образом, что отчасти способствует с помощью естественного языка спорящим договариваться в решении казусов повседневности.

Беспроблемность естественного языка может быть объяснена тем, что сферой его действия является по преимуществу речь. Последняя во внешнем исполнении в основном ориентирована на риторiku устного изложения в коммуникативном общении. «Люди начинают говорить о речи примерно тогда же, когда они начинают мыслить о мышлении, и притом по тем же внутренним побуждениям. Делает ли мысль своим предметом себя самое или свою собственную словесную плоть, – в обоих случаях за таким событием стоит выход мыслящего из наивно-непосредственного отношения к своей умственно-словесной работе, переход к «подглядыванию» за собой, к разделению себя на субъект и объект интеллектуального созерцания»¹²⁰. В устном языке доминирующая роль принадлежит функции открытия в форме называния или переназывания. Вследствие чего опосредованность отношений между языком и действительностью сводится порой к указанию на тот или иной фрагмент действительности в форме имени. Функция объяснения может быть в принципе минимизирована и сведена в пределе к формуле «потому что это так, и все». Отсутствие в естественном языке отвлеченной рефлексивной терминологии может быть отчасти компенсировано усилением экспрессивно-выразительной его составляющей, более пристальным вниманием к возможности использования энергии самого слова, его риторике (к «мускулистой атлетике слова», по С.С. Аверинцеву). Сцепление звуков, которое является откликом смысла, присутствие ритма, синестетические коннотации (Р. Якобсон) удостоверяют значение и смысл слова, делают его само собой разумеющимся, очевидным для общающихся сторон. Но при этом, по мнению С.С. Аверинцева, «конец риторики», конец длинного ряда эпох, когда идея нормы определенным образом формировала даже самые эксцентрические явления и ставила свои задачи рефлексии, – это не совсем «конец». Просто потому, что мы оказываемся в постриторическом состоянии куль-

¹²⁰ *Аверинцев С.С.* Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Новое в современной классической филологии. М., 1979. С. 77.

туры, что риторика никуда не исчезла, никуда не делась, а просто «снята» («aufgehoben» в гегелевском смысле слова), что рефлексия, открытая шокировавшими не одного Аристофана софистами, остается навсегда с нами, как наша судьба и наше достояние¹²¹.

Известно, что овладение естественным, еще «дошкольным» языком проходит в житейской обстановке, как правило, окрашенной игровой ситуацией, которая очевидным образом схватывается, называется целиком. При этом, используя имеющиеся природные задатки у обучаемого, естественный язык входит в обиход обыденной речи с развитием основ красноречия, через подражание имеющимся образцам, постоянную практику и накопление обучаемым собственного опыта ведения речи, ее риторики.

Ч.С. Пирс использовал термин «риторическая очевидность» при анализе утверждений, выведенных из опыта. Свидетельства риторической очевидности, по его мнению, необходимы для подтверждения выводов, полученных с помощью спекулятивной риторики. «Риторика очевидности», игровая по форме и дидактическая по содержанию, мудрость обыденного сознания в рамках речевой практики формирует различные уровни очевидности. Можно выделить:

– уровень дорефлексивной очевидности – он подразумевает соотносительность слова с референтом, непосредственно с действительностью (через имя), что можно назвать естественным течением речи;

– уровень рефлексивной очевидности, который основан на согласовании и договоре, использует как базу уровень дорефлексивных очевидностей, предполагает действия по правилам; правила определяют обязательность, произвольность ведения диалога, что в свою очередь ведет к естественности языка по договору.

Если первый уровень очевидности телеономичен, то второй – каузален. Размещенность в одном пространстве языка делает указанные очевидности зацикленными друг на друга, они идентифицируют язык как таковой со всеми его особенностями и спецификой в применении. Но при этом образ круга имеет дополнительную характеристику, а именно тот самый «разрыв» между языком и неязыковой действительностью в виде касательной с ее центробежной и центростремительной силами. Эта динами-

¹²¹ *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции // Английская поэтика. Риторическая теория и литературная практика. М., 1991.

ческая соотнесенность естественного языка с любым видом им же, по существу, творимой реальности (от религиозного мифа до науки и философии) делает его живым образованием при всем необходимо присутствующем в нем схематизме составляющих его структур. Язык обладает такой свободой живого, которая, в частности, проявляется в способности самопричинения и целеполагания. Пространство между языком и неязыковой действительностью образует сферу сознания. О присутствии последнего мы судим по специфическим для каждого случая опорным точкам соотнесения между языком и неязыковой действительностью. В качестве опорных точек в случае междисциплинарного диалога могут выступать этос, логос и пафос, чье органическое взаимодействие уже на уровне языка повседневности ведет по пути к философии трансдисциплинарности.

Для указанного пространства в общем случае характерно не-силовое взаимодействие между образующими его. Это то, что можно условно приписать «магии естественного языка». Идея не-силового взаимодействия пришла из философии науки, из физики. Для функционирования языка в той или иной его форме важен учет фоновых обстоятельств, зачастую представляющих гибридные образования языка с неязыковостью, например, рассмотрение такого трипла, как контекст – текст – подтекст языковых выражений, которые сполна в языке не выражены. В сферу действия магии естественного языка мы попадаем двояко, тем самым намечая основные способы нашего существования в языке, так и особенности функционирования самого языка. Первый случай связан с нашей с рождения размещенностью в языке, естественной неразличимостью индивида и языка, которым он владеет, или, можно по-другому сказать, что не менее правомерно, который владеет индивидом, порой необъяснимым образом, как историческая предзаданность, «наследственность», обуславливающая его существование. Второй случай связан напрямую с «наследованием» языка, когда значения языковых выражений берутся вне сферы их использования, а предметно(-стно), как автономные – конкретные или абстрактные сущности, населяющие универсум рассуждений. Это последнее обстоятельство дало основание Витгенштейну заметить, что было бы правильно начинать его заметки о метафизике как особом виде магии. Но в них он не должен ни говорить в защи-

ту магии, ни высмеивать ее. От магии, как считает Витгенштейн, должно быть удержано глубокое, поскольку само исключение магии носит магический характер¹²².

Следующий «поворот» темы риторики движения мысли к философии трансдисциплинарности выносит на рассмотрение трех относительно самостоятельных моментов, но для меня они уместны в своей одновременности. Это и вечный вопрос, что есть естественный язык, чья естественность исчезает с возникновением этого вопроса¹²³. Это рассмотрение риторики очевидности, дающее возможность непосредственно наблюдать то, что нам хорошо известно относительно утверждений из опыта и кажется от них неотделимым и использовать аргументацию риторики¹²⁴. Наконец, междисциплинарный диалог, ориентированный на движение к философии трансдисциплинарности – актуальная тема в философии науки наших дней, воспроизводит рождение мира в слове, в проговаривании между нами того, что всем давно известно, и заглядывании за пределы известного. Междисциплинарный диалог способствует реинкарнации обстоятельств порождения лишь по видимости устоявшихся в свое время дисциплинарных предметностей, как тогда (XVII в.), так и сейчас обсуждение вынуждено обращаться за помощью к синкретичности и синергичности естественного языка, ведущего к философии трансдисциплинарности. Потенциальная всеядность естественного языка выражается в уместности во всяком возможном случае по необходимости минимизировать свои выразительные средства до строгих и однозначных научных суждений, в способности к широкому философским обобщениям, в простоте и в динамиз-

¹²² Wittgenstein L. Remarks on Fraser's «Qolden Bough». Atlantic Nighlods; N. Y., 1949. P. VI.

¹²³ Но возникает ситуация парадокса, похоже, перманентно сопровождающая то, что мы называем естественным языком. То, что он *есть*, трудно подвергнуть сомнению. Но *что* он есть, трудно, если вообще возможно, определить однозначным образом. (Хотя, задав вопрос, мы подвергли его существование сомнению. Складывается следующая ситуация. Если мы не можем ответить на этот вопрос на естественном языке, мы его не знаем, то встает вопрос, на каком таком неестественном языке был сформулирован вопрос и на каком языке приходится ожидать ответ. О естественном можно ответить только неестественно.)

¹²⁴ Липс Ч. Из работы «Элементы логики. Grammatica speculativa» // Семиотика. М., 1983. С. 166.

ме языка обыденной речи. Можно сказать, что естественный язык, проявляя свое искусство, покрывает все случаи взаимодействия с действительностью, создает по необходимости специальные, искусственные языки. По этой причине, очевидно, не приходится ожидать, что искусственные языки – научный язык, языки формальной логики, лингвистический анализ языка как предметы специального исследования – могут дать исчерпывающее и однозначное определение естественного языка. Родовое определение языка – удел их притязаний. Естественный язык, не зная узды строгих определений, приходит на помощь в ситуациях, когда необходимо заново проверить (пере-про-верить) возможность договориться, преодолевая разрывы в специальных языках, о естественности предельных допущений научного знания. Того научного знания, которое на рубеже веков, наряду с дисциплинарными исследованиями, все более принимает формы междисциплинарного и проблемно-ориентированного характера¹²⁵.

Взаимоотношение естественного языка и действительности как в ретроспективе, так и сегодня, в различных его формах от первичной неразличенности, включенности в единое к заинтересованному вниманию, приглядыванию друг к другу – первый импульс к различению, до активного воздействия друг на друга как «коммуникации несоответствий» (Ж. Делёз) образует безмерность и разнообразие (в смысле невозможности его окончательно раз и навсегда определить) естественного языка. «...Различие – это то, посредством чего дается данное. Это то, посредством чего данное дается как разное. Любой феномен отсылает к обуславливающему его неравенству. Любое разнообразие, изменение отсылает к различию как их достаточному основанию. ...Везде – Препятствие»¹²⁶.

Взаимоотношение естественного языка с внеязыковой реальностью, или, более привычное, утверждение взаимоотношение языка с действительностью, было и остается основополагающим фактором в формировании особенностей каждого из участников этого бинарного отношения, делая их взаимозависимыми в представлении человека, неважно осознает он это или нет. Зависимость здесь такого рода, что одно удостоверяет другое как препятствие, которое необходимо перманентно преодолевать, чтобы обозначить тем самым

¹²⁵ Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М., 1992.

¹²⁶ Делёз Ж. Различие и повторение. М., 1998. С. 271.

свою специфику и несводимость к другому. Если придерживаться утверждения о такого рода зависимости, то оно, повторим еще раз, оставляет открытым вопрос о возможности определить естественный язык по типу дисциплинарного предмета, блокирует привычную склонность классического научного подхода просматривать в каждом бинарном отношении строгую дихотомию. Оно его снимает, оставляя моментом, частным удобным подходом при раздельном аналитическом рассмотрении каждого из них, языка и действительности, сохраняет в комплексном видении в целом.

Если определение естественного языка ускользает, то можно попытаться зайти с другой стороны, начать «полевые» (не искусственные, лабораторные) разработки с фактического описания по типу первичного, непосредственного восприятия. Естественный язык можно пространно описывать, применяя тем самым к нему самому то, что он сам предлагает другим как средство, когда отсутствуют обобщенные представления. Не объять все сразу откуда-то взявшейся обобщающей теорией, а показать постепенно от случая к случаю, деликатно, не навязывая, в движении нарративного описания навести на слово, еще только зреющее мыслью. Слово, которому, по С.С. Аверинцеву, еще только предстоит расстаться со своей «дорефлексивной невинностью». Например, указывать словом, как жестом, конкретные частные случаи применения¹²⁷. Можно попытаться связать естественный язык речью, как сообщением, но и она, как известно, ситуационна и повторяема лишь в своем различии. Если и можно говорить о некоторой черте, простирающейся в такой линии поведения, так это то, что как сам естественный язык, так и его применение наиболее проявляются в ситуациях, когда необходимость в сообщении (в по-вест(ь)-вовании) другому вынуждает искать форму поддержания интереса к себе. Это и естественные недоговоренности, двусмысленности, ситуации интриги и тому подобные напряжения в сообщении, в повествовании, которые служат объединяющим, т. е. общим моментом для участвующих в обсуждении заявленной темы. Эта праформа обобщения, которая ищет разрешения-подтверждения в пределах данной конкретной ситуации общения.

¹²⁷ «Между тем пример – это еще не сам “феномен”, а языковый феномен не может вместиться, уложиться в пределы изолированной фразы» (*Барп Р.* Избр. работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989. С. 559).

Тем самым хотелось одновременно выделить два обстоятельства. Помимо догадки о тематизируемости естественного языка, поскольку проблематизация его переводит в разряд, в иной ряд – ряд искусственных языков, стоит отметить характерный для естественного языка способ существования – указывание (то ли жестом, то ли словом) в смысле показывания¹²⁸, когда объяснение не идет дальше убедительного примера. Способ существования которого состоит в обращаемости как к самому себе, так и с его помощью к другому с речью-рассказом, будь она в письменной или устной форме.

По сути, в данном случае речь идет о том первичном восприятии мира, о котором говорил Мерло-Понти. Оно, предшествуя любой мысли о мире, является ее началом, когда, как говорят, «сопало». Эта уникальная ситуация, из которой вырастают все человеческие смыслы и значения в истории как человеческого рода, так и становления отдельного человека. Причем первичность восприятия, понимаемого как начало истории языка, сохраняется и в дальнейшем, но в модусе перепроверяющего «конца» уже спекулятивных рассуждений. Закольцованность на первочувство лишь по видимости напоминает герменевтический круг. Последний представляет целостный набросок, чье обогащение идет через интерпретацию. В данном случае образ круга сохраняется лишь для того, чтобы выделить ситуацию его «слома» через обращение к первичному восприятию мира. Когда такие случаи возникают? Когда слово потеряно, например, в некоторых случаях афазии. Или же когда проблемная ситуация не разрешаема имеющимся словарным запасом, точнее, проблема не оформляется в слове, она еще на подходе, в предчувствии своего разрешения в назывании словом. Наконец, когда происходит освоение языка ребенком, перепроверяющим каждое слово «на вкус», «на ошупь».

Здесь уместно вспомнить и пометить момент прорастания первых форм диалога, от которых, как говорится, рукой подать до диалога в трансдисциплинарном контексте. Вспомним С.С. Аверинцева: «Вообще, мысль выясняет себя, поверяет себя и утверждает себя, соотносясь со словом и будучи измерено его мерой; прежде чем слово должно будет передать мысль собесед-

¹²⁸ См.: *Хайдеггер М. Слово // Хайдеггер М. Время и бытие. Ст. и выступления.* М., 1993. С. 302–312.

никам в диалоге, оно само – первейший диалогический “собеседник” мысли и мыслящего»¹²⁹. Можно сказать, что естественный язык чреват диалогом и с самим собой для продолжения своего существования.

Можно поступить и довольно традиционно: когда дать определение почему-либо невозможно – не пришло время или это в принципе невозможно как ненужное – берем слово, в нашем случае выражение – «естественный язык», которое само будет арбитром в решении вопроса, где мы имеем дело с естественным языком, а где естественность языка угасает. Здесь уместно вспомнить тонкое наблюдение Р. Якобсона о том, что «в комбинировании языковых единиц при переходе от низших уровней языка к высшим возрастает шкала свободы. При объединении различительных признаков в фонемы свобода индивидуального говорящего равна нулю; инвентарь всех возможностей данного языка здесь жестко задается его кодом. Свобода комбинирования фонем в слова весьма ограничена, она сводится к маргинальной ситуации создания неологизмов. При построении предложений из слов говорящий ограничен в меньшей степени. И наконец, при комбинировании предложений в высказывания, целостные тексты кончается действие обязательных синтаксических правил и резко возрастает свобода любого индивидуального говорящего создавать новые контексты, хотя и здесь нельзя игнорировать значимость многочисленных стереотипных высказываний»¹³⁰. Можно сказать иначе: естественный язык – это то, что оказалось в «остатке» при попытке его формализовать. Язык оставляет следы естественности, сам естественным образом исчезнув в своей естественности. О естественности мы судим всегда в прошедшем времени, что мы замечаем, повернувшись за ним вслед.

Ведь естественный язык помимо того, что он связан с показом (иногда минимизирован до указующего жеста или развернут в цепочку бессловесных действий – поступков), он звучен и речист, с устами связан. Звук отлетел, речь закончилась, осталось в памяти слово как «вещь» (письмо или поступок). Таким образом,

¹²⁹ *Аверинцев С.С.* Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда. С. 44.

¹³⁰ *Якобсон Р.* Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990. С. 113–114.

следы, оставленные естественным языком для своего продолжения, требуют ответного исполнительства, например, голосового наполнения¹³¹. Это в свою очередь влечет помимо неповторимого (различенного в повторении) звука, также различающее в своей индивидуальности стиль как манера выражения в речи, убеждающей, рассуждающей, утверждающей (этос, логос, пафос).

Заметим этот след естественного языка, связав его с особенностями речи или саму речь, повязав с естественностью языка. От этой связки один шаг к персонификации, личностной нагруженности естественного языка. В обоснование такому развитию событий уместно применить такой риторический прием, как энтимема. Напомним, что это слово греческого происхождения (*enthymema* – «то, что находится в уме» – *en thynoi*). Оно обозначает логическое доказательство, высказанное неполностью, часть которого подразумевается. Вспомним также рекомендации, которые давал Аристотель по употреблению энтимемы – основной фигуре риторики. «Нужно говорить не на основании всего, что покажется пригодным, но на основании определенной категории вещей, например, [тех, которые кажутся истинными] судьям, или тех, с мнениями которых судьи соглашаются, и это потому, что такие вещи и кажутся очевидными всем и большинству; при этом следует составлять энтимему не только из необходимого, но из того, что бывает по большей части»¹³². Можно еще более обнажить эту позицию, и это позволяет сам естественный язык. Сделать более откровенными личностные пристрастия, политические предпочтения и то, что называется глубинными движениями души, аффекты, рождающие пафос речи. Ведь естественный язык, что лента Мебиуса, при всех своих глубинных поворотах, всегда оказывается, по-казывается на поверхности речи.

Итак, естественный язык, стартовав при своем возникновении с непосредственного, жестового или звукового обозначения еще на подходе к слову как имени отдельных выделенных во внешнем окру-

¹³¹ В этой связи можно сослаться на интересный анализ библейских текстов перwokниг, в которых автор отмечает как необходимый компонент, а можно сказать и аккомпанемент, голоса, акцентирования, манеры речи в повествовании о начале истории мира. См.: Долгопольский С. Риторика Талмуда. Анализ в постструктуралистской перспективе. Аффект и фигура. СПб., 1998.

¹³² Аристотель. Риторика // Античные риторики. М., 1978. С. 109–110.

жении, известивших о себе вещах (явлениях и предметах), вышел в свободное плавание поиска в известном сходного, смежного, подобного, тождественного, обобщенного, творя языковую реальность в бесконечном процессе установления разнообразных соответствий между языком и действительностью, в поиске себя в новом.

Соотнесенность указанных сфер фиксируется некоторыми условно выделенными точками. Они могут принадлежать в различной комбинации внутреннему миру чувств и мышления человека и языковым способам выражения той действительности, с которой имеет дело человек. Точки соотнесения обговариваются языком в устной речи и письменно. Они могут быть актуализированными, проявленными, но могут быть потаенными, чье осознание еще на подходе, а некоторым из них, возможно, и не суждено стать выраженными, но от этого они не перестают существовать и влиять на процесс соотнесения. Точки соотнесения могут принадлежать как возможным, так и невозможным мирам – в том смысле, как эти понятия понимают логики и богатые воображением ученые: в зависимости от того, содержат или нет эти миры в своем существовании противоречивые суждения. Отследить исчерпывающим образом все возможные комбинации указанных точек, силу их взаимного влияния, ситуационную приоритетность одних перед другими представляется практически невыполнимым. Однако наличие самого факта соотнесенности выступает некоторым субординирующим началом в этой хаотической картине.

Отмеченные точки соотнесения могут быть рассмотрены последовательно, это будет один порядок – порядок линейного аналитического рассмотрения. Иной порядок представлен в эффекте синтетического одновременного сосуществования разнородных точек соотнесения, который свернут в неповторимом результате, что заимствуется трансдисциплинарным исследованием из синергетики. Это одновременное существование, схватываемое знанием языка, опирается на языковую интуицию, наподобие энтимемы. (Например, взаимодействие того, что сегодня называется контекстом, текстом и подтекстом, может быть рассмотрено последовательно линейно, причем рассмотрения такого рода могут начинаться с любого числа этого трипла. При этом каждый член рассматриваемого взаимодействия сам, в свою очередь, представляет некоторый синтетический результат.)

Языковая реальность, если следовать «логике» вещей и предметов, находится между человеком и действительностью, той действительностью, которая встретила человека при его появлении в жизненном мире и которая останется после его ухода. Но «логика» вещей и предметов применительно к языку уместна лишь при дисциплинарном подходе к нему, она дает панораму результатов. Такая панорама целиком не схватывает естество языка, обладающее специфической синэнергетикой и динамической изменчивостью, которые ухватываются тем, что может быть названо «логикой» смысла. «Логика» смысла присутствует в панораме процесса, в формах длительности, движения, становления, преобразования. Она ответственна за то, что язык израстает из себя в освоении и преобразовании как человека, так и действительности, тем самым преодолевая предметные ограничения, делая соотносенными разнородные и противостоящие друг другу предметы и явления, принадлежащие как языку, так и действительности. И пространственная размещенность языка «между» изменяет свою конфигурацию в зависимости от истории момента и времени порождения нового. Меняется хронотоп границы. Ее пространственные характеристики дополняются временными, участвуют также моральные предпочтения, исторические параллели, ценностные ориентиры, смысловые подвижки. Граница в виде линии остается про запас в виде предельных выражений горизонта. А что мы видим до этой линии? Некоторый образ сфокусированной точкой зрения, выбранным ракурсом, удерживающим разом всю гетерогенную взвесь в виде некоторых точек соответствия удовлетворительной целостности – моментального снимка. Причем новизна увиденного, объясняемая в большей степени умом, чем глазом, или, по крайней мере, умным глазом, покоится на консерватизме накопленного опыта чувственного восприятия. «Нашему глазу легче воспроизводить по данному поводу уже много раз воспроизведенную картину, нежели удерживать в себе необычные и новые элементы какого-нибудь впечатления: последнее требует большей силы, большей “моральности”. ...Ко всему новому чувства наши относятся враждебно и с неприязнью; и вообще даже в “простейших” случаях чувственного восприятия господствуют такие аффекты, как страх, любовь, нена-

висть, а также и пассивные аффекты лени»¹³³. Аффекты уплотняют картину видения выбранных точек соответствия, выступая средством субстанционализации, опредмечивания смысла речи.

Последнее наводит на мысль подойти к естественному языку как языку по преимуществу чувственных восприятий. Но нас подстерегают те же трудности, «поскольку вместо того, чтобы ограничиться более или менее интенсивным конституированием видимого, они добавляют к нему невидимую составляющую, воспринимаемую неким оккультным способом»¹³⁴. Таким образом, говорить о границах естественного языка можно только в подвижном и изменчивом режиме полноты их проживания, не ведая преград между реальным и виртуальным, как и о «логике» естественного языка можно говорить лишь метафорически, дополняя ее алогичным, не поддающимся окончательной формализации понятием смысл. «Логика» смысла реализуется в естественном языке, обеспечивая принципиальную метафоричность языка как такового¹³⁵. «То, что метафора – вездесущий принцип языка, подтверждается простым наблюдением. В обычной связной речи мы не встретим и трех предложений подряд, в которых не было бы метафоры. Даже в строгом языке точных наук можно обойтись без метафоры лишь ценой больших усилий. В различных отраслях знания: в эстетике, политике, социологии, этике, психологии, теории языка и т. д. – наши основные трудности связаны с выяснением того, как мы используем метафору и как наши по видимости устойчивые слова изменяют свои значения. Особенно это касается философии: здесь нам и шага не сделать без постоянной мысли о том, что и мы, и наши слушатели, возможно, употребляем метафоры и, чтобы их избежать, надо сперва их обнаружить. Чем абстрактнее и строже философия, тем вернее это утверждение. Чем абстрактнее становится философия, тем чаще прибегаем мы к метафоре, провозглашая в то же время, что не опираемся на нее. Метафоры, которых мы избегаем, направляют наше мышление точно так же, как те, которые мы употребляем. Так, должно быть, обстоит дело с каждым высказыванием: труднее осознать

¹³³ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Минск, 1997. С. 141.

¹³⁴ Мерло-Понти М. Око и дух. М., 1992. С. 53.

¹³⁵ Гадамер Г.-Х. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 499.

то, что в нем выражено, чем-то, чего в нем нет»¹³⁶. «Логика» смысла, используя метафоры различного уровня, наводит порядок во взаимоотношениях языка и действительности, «касаясь» как одного, так и другого. Поскольку смысл «развернут одной стороной к вещам, а другой – к предложениям. Но он не сливается ни с предложением, ни с положением вещей или качеством, которое данное предложение обозначает. Он является именно границей между предложениями и вещами. Это именно тот *aliquid*, который обладает сразу и сверх-бытием, и упорством, то есть тем минимумом бытия, который побуждает упорство»¹³⁷.

Каждый вступивший в диалог в любой его форме отвечает словом и делом (поступком), реализует свою готовность к высказыванию уникальным, неповторимым для другого образом¹³⁸. Повторяется лишь только различие высказанного, что, с одной стороны, удостоверяет каждого, а с другой стороны, делает почти безнадежным окончательное раз-решение диалога. Но сам диалог как необходимая и предзаданная самим естеством языка форма, призывающая к общению, оборачивает постоянную отсроченность его разрешения тягой к его возобновлению. Диалог, таким образом, возникает на пересечении-встрече уникального выговаривания накопленного к этому моменту в языке смысла. Возможность приращения смысла в этом событии имеет свои ограничения, пределы. Смысл живого общения бьется в разломе между здравым смыслом и смыслом общезначимым, перепроверя тем самым общеупотребительный язык на его естественность, способность выйти за его пределы, не потеряв его из виду в собрании единомышленников, способных принимать решения здесь и сейчас. Первичная «сборка» – зародыш коллектива единомышленников, жизнь которого выстраивается по правилам спонтанного приноравливания в коммуникативном взаимодействии в решении собравшей их неотложной, жизненно важной проблемы. Практический, научный, оперативный и коммерческий интерес образует сложноорганизованный

¹³⁶ *Ричардс А.А.* Философия риторики // Теория метафоры. М., 1990. С. 46.

¹³⁷ *Делёз Ж.* Логика смысла. М., 1995. С. 38.

¹³⁸ Весь бесконечный контекст возможного человеческого теоретического познания – науки – должен стать ответственно узанным для моей причастной единственности, и это несколько не понижает и не искажает его автономной истины, но восполняет ее до нудительно-значимой правды» (*Бахтин М.М.* Человек в мире слова. М., 1995. С. 50).

композит этого временного образования. Именно он и является вызовом, запросом к каждому участнику трансдисциплинарного проекта доли претворения дисциплинарного знания с учетом его личного интереса. Научно-практическая проблема обрастает персоналистским измерением, жизненным проживанием сложившейся ситуации и того события, которые послужили причиной к ней обращения. Контекст (совместный текст) возникает способом несуммативного сложения, имеющихся представлений у исполнителей проекта, как узнаваемая и признаваемая ими картина мирозидения, в рамках которой может быть прорисована решаемая проблема. Фокусировка проблемы может менять оптику ее видения – ближе или отстраненнее. От того, насколько согласовано будет сообществом выбран их объединяющий контекст, во многом будет зависеть успешность проекта. Тем самым можно сказать, что трансдисциплинарный контекст не предзадан, он только может возникнуть в междисциплинарном обсуждении проблемы, послужившей объединению коллектива дисциплинариев – исполнителей в решении конкретного проекта. Причем этот конкретный случай, case-study, проверяется соотношением фундаментального и прикладного его аспектов. Здесь фундаментальная наука предстает как основа работы экспертного, в том числе и философского, сообщества. И эта наука нуждается в философско-методологической идее, ориентирующей ученых на взаимное обогащение исследовательским опытом, полученным в самых разных дисциплинах¹³⁹. И на личностном, и на социальном уровне именно эта сторона дела и является наиболее существенной, поскольку последствия для человека и общества обычно порождает не сам предмет, а сопряженные способы взаимодействия с ним, те результаты, к которым ведут эти наши взаимодействия, и, наконец, те изменения в нас самих, которые вызываются этими взаимодействиями¹⁴⁰.

И в этом смысле такой тип философского исследования не может не нести следы автобиографической повести, живого дыхания речи, застигнутой конкретным событием. «Сознательное преодо-

¹³⁹ Пружинин Б.И. Трансдисциплинарность в контексте дихотомии прикладного и фундаментального в науке // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. М., 2015. С. 252–262.

¹⁴⁰ Юдин Б.Г. Трансдисциплинарный характер гуманитарной экспертизы // Там же. С. 319–333.

ление “духа абстрактности” в “конкретности” философской речи, которое достигается ориентацией на искусство и литературу, но без утраты базовых констант мышления, ориентирующих на поиск истины. Персоналистическая и диалогическая манера дискурса, обращение к конкретным примерам из обыденной жизни, к драматически напряженным и общезначимым ситуациям проявляет беспокойство становления целостностью»¹⁴¹ – оно по сути своей трансдисциплинарно. «То есть мир – в трансдисциплинарном измерении – выступает в качестве источника тех трансцендентно-имманентных смыслов, какие безмолвно запускают самоорганизацию коммуникативных стратегий, обеспечивающих основанное на взаимном доверии принятие решений относительно “неразрешимых” вопросов¹⁴². Выход на трансдисциплинарное измерение философии науки как органической части философии культуры представляется естественным, если иметь ввиду исконную ее многозначность, что в принципе не мешает интеллектуальной жизни: человек должен уметь работать с такими неоднозначными понятиями, без которых нет гуманитарной культуры¹⁴³.

Философия науки в трансдисциплинарном измерении сохраняет традиционное – предмет и главную цель философии – условия, смысл и формы человеческой свободы в жизненных практиках, научном познании и практической деятельности. Обращение к философии в ситуации становления и смены парадигмального строя мысли, охватившего и научное познание, и культурное самосознание, неизбежно, поскольку философия есть не что иное, как рефлексивное усилие сознания, направленного на самопрояснение. Основопологающим событием нашего времени можно считать реинкарнацию осознания необходимости целостного представления множественных становящихся представлений о мире и месте науки в нем в персонифицированной точке зрения. В философии и науке личность осознает собственные принципы, способы действия и ценностные ориентации. Сегодня как никогда необходимо признание, что «свободными они являются лишь

¹⁴¹ *Визгин В.П.* Очерки истории французской мысли. М., 2013. С. 110.

¹⁴² *Свирский Я.И.* Трансдисциплинарность: на распутье между трансцендентным и имманентным // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. С. 250–251.

¹⁴³ *Визгин В.П.* Очерки истории французской мысли. С. 129.

благодаря скрепляющей их силе базирующихся на потребности в обосновании притязаний»¹⁴⁴. Эта ответственная (в ответе на вопрос, заданный экзистенциальной ситуацией) транс-позиция участника и свидетеля делает его философом современного (пост-неклассического) типа. Но эта ситуация воспроизводит традиционное: «философствовать – значит мочь начать» (Р. Сафрански). Особенность стилистики свидетельствующего философствования в данном месте и времени состоит в осознании ответственности не только в отношении выбора себя, но и в отношении сохранности открытости (коммуникабельности) на языке общения с другим. Поступая таким образом, мы вступаем на путь переоткрытия риторики этоса, логоса, пафоса.

1. Основная презумпция философии трансдисциплинарности – выступать не только как свод априорных допущений, но и проверка их на опыте в исполнение роли местоблюстительницы (формирование этоса не вообще, а того или иного научного направления и практической деятельности), интерпретатора-переводчицы, разработчицы тезауруса решения проблемы в междисциплинарном диалоге (Хабермас), отслеживание своего становления (трансцендирования) в жизненном мире. Жизненный мир – первичное и одновременное схватывание и захватывание картиной мира. Его образом и интерпретацией в описи и понимании взаимодействия. Этос в современных условиях становится фактором обоснования и аналитикой истока.

2. Логос сохранения дисциплинарных областей знания, как условия введения диалога (Хайдеггер), для выхода (расширения и углубления собственных возможностей) в зону пограничного режима, взаимодействия (встречи как фундаментальным принципом) с иным. Изменения, которые включают не только регулятивы, связанные с неклассическими идеалами и нормативами объяснения и описания, обоснования и доказательности, учитывающих относительность объекта к средствам и операциям деятельности. Но и те, которые связаны с преодолением дисциплинарной (предметной) разобщенностью. Когда граница, разделяющая науки, становится объединяющей средой общения, в которой отрабатываются трансдисциплинарные (на основе синергетической методологии формируется, возникает предметность проблемы, снимающей

¹⁴⁴ *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. М., 2002.

нестыковки, противоречия, конфликты) и транслингвистические обменные процессы, включающие рефлексию над ценностными и нормативными основаниями научного познания, имеющего дело со сложноорганизованными и самонастраивающимися явлениями.

3. Пафос трансдисциплинарной философии выражается в спонтанности искреннего сопереживания происходящим событиям, ответственном принятии решений, удерживающим неисчерпаемость данным решением спектра возможных иных исходов научной деятельности. «Занятие наукой без страсти засоряет память, которая становится не способной усваивать то, что она поглощает» (Леонардо да Винчи). Неполнота перевода в диалого-общении как эвристика его продолжения и сохранения относительно автономной самоидентичности участвующих в диалоге в приобщении к культуре своего времени. «Культура становится интегральной лишь тогда, когда общество добивается успеха, балансируя и гармонизируя энергию людей, отданную на службу Истине, Красоте и Добру. Подобный “интегрализм” характеризуется логико-значимой взаимосвязью всех существенных компонентов личности или культуры»¹⁴⁵, одной из форм которой является любовь к философии.

¹⁴⁵ *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 22.

Список литературы

Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. М., 1991. С.104–116.

Аверинцев С.С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Новое в современной классической филологии. М., 1979. С. 41–81.

Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. 448 с.

Антоновский А.Ю. О специфике мифологической ориентации // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб.: РГХИ, 1999. С. 149–159.

Аристотель. Риторика // Античные риторика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 352 с.

Арутюнова Н.Д. Языки мир человека. М.: Яз. рус. культуры. 1998. 895 с.

Аршинов В.И. Сложность постнеклассических практик и будущее // Постнеклассические практики: опыт концептуализации / Под ред. В.И. Аршинова, О.Н. Астафьевой. СПб.: Мирь, 2012. С. 165–187.

Асеева И.А. Трансдисциплинарные подходы к моделированию будущего: инновационный аспект // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 526–542.

Ахутин А.В. Парадоксы культурологи // В перспективе культурологи: повседневность, язык, общество. М.: Акад. проект; РИК, 2005. С. 10–47.

Бажанов В.А. О феномене трансдисциплинарной научной революции // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 136–144.

Бажанов В.А. Проблема полноты квантовой теории: поиск новых подходов (философский аспект). Казань, 1983. 104 с.

Барт Р. Избр. работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

Барт Р. Риторика образа // *Барт Р.* Избр. работы: Семиотика. Поэтика. Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 201–207.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худож. лит, 1972. 434 с.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.

Бахтин М.М. Человек в мире слова. М.: Изд-во Рос. открыт. ун-та, 1995. 140 с.

Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Терра-Книжный клуб, 2001. 384 с.
Бибихин В.В. Язык философии. М.: Прогресс, 1993. 416 с. (Б-ка журн. «Путь»).

Богомолов А.С., Ойзерман Т.И. Основы теории историко-философского процесса. М.: Наука, 1983. 286 с.

Библер В.С. Век Просвещения и критика способности суждения. Дидро и Кант. М.: Рус. феноменол. о-во, 1997. 440 с.

Буданов В.Г. Когнитивная психология или когнитивная физика. О величии и тщетности языка событий // Событие и Смысл (Синергетический опыт языка). М.: ИФ РАН, 1999. С. 38–67.

Буданов В.Г. Синергетика коммуникативных сценариев // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 444–460

Буданов В.Г. Трансдисциплинарные дискурсы постнеклассики: познание, коммуникация, самоорганизация в антропосфере // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 145–159.

Быстрицкий Е.К. Феномен личности: мировоззрение, культура, бытие Киев: Наук. думка, 1991. 200 с.

Валери П. Поэзия и абстрактная мысль // Об искусстве. М.: Искусство, 1993. С. 315–316.

Визгин В.П. Очерки истории французской мысли. М.: ИФ РАН, 2013. 133 с.

Визгин В.П. Этюд о времени // Филос. исслед. 1999. № 3. С. 149–158.

Гаврюшин Н.К. Антитетика в концептуальных системах // Систем. исслед. Ежегодник 1976. М.: Наука, 1977. С. 239–248.

Гадамер Г.-Х. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Пер. с нем. Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.

Гайденко П.П. К предыстории становления новоевропейской науки // Философия. Наука. Цивилизация. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 6–29.

Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 501 с.

Герасимова И.А. Типы аргументации и их возможности в трансдисциплинарном диалоге // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 433–451.

Голосовкер Я. Интересное // Вопр. философии. 1989. № 2. С. 106–142.

Гречко П.К. Диспозиция: онтологическая перспектива и коммуникативная аппликация // Вопр. философии. 2012. № 4. С. 99–110.

Гутнер Г.Б. Трансдисциплинарность как трансдискурсивность // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 263–280.

Даль В. Начало // *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. 2-е изд. книгопродавца-типогр. М.О. Вольфа. СПб.; М., 1881. С. 494.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

Делёз Ж. Логика смысла / Пер. с фр. М.: Академия, 1995. 197 с.

Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1998. 384 с.

Дептерт В. Мифические формы мышления в науке, на примере понятий пространства, времени и закона природы // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб.: РГХИ, 1999. С. 187–204.

Долгопольский С. Риторика Талмуда. Анализ в постструктуралистской перспективе. Аффект и фигура. СПб.: Петербург. евр. ун-т. Центр наследия рус. еврейства, 1998. 245 с.

Злотникова Т.С., Ерохина Т.И., Летина Н.Н., Киященко Л.П. Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры // Вопр. философии. 2014. № 11. С. 126–136.

Ищенко Ю.А. Толерантность в дискурсе трансдисциплинарности // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 302–318.

Кант И. Собр. соч.: в 6 т. / Пер. Б.А. Фохта; Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.

Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт в философии социально-гуманитарных наук. М.: ИФ РАН, 2015. 189 с.

Киященко Л.П. Беспокойство становления целостностью. Вариации на тему трансдисциплинарности // Вопр. философии. 2015. № 11. С. 76–86.

Киященко Л.П. В поисках исчезающей предметности. (Очерки о синергетике языка). М.: ИФ РАН, 2000. 199 с.

Киященко Л.П., Моисеев В.И. Интервальный подход в трансдисциплинарном измерении (онто-гносеологический аспект) // Академия знаний. Симферополь, 2010. № 3. С. 27–36.

Киященко Л.П., Киященко Н.И. Культура: диспозиция и композиция поэзиса (интервальный опыт истолкования) // Ярослав. педагог. вестн. 2013. Т. I: Гуманитарные науки. № 4. С. 288–293.

Киященко Л.П. Мифопоэзис научного дискурса // Философия науки. Вып. 8: Философия науки в мире сложности. М.: ИФ РАН. 2002. С. 355–374.

Киященко Л.П., Тищенко П.Д. Опыт предельного – стратегия «разрешения» парадоксальности в познании // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 232–258.

Киященко Л.П. Опыт философии трансдисциплинарности («казус биоэтика») // *Вопр. философии.* 2005. № 8. С. 105–117.

Киященко Л.П. Простота сложности и сложность простоты (мерность различения) // *Философия науки.* Вып. 18: Философия науки в мире сложности. М.: ИФ РАН, 2013. С. 287–292.

Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. М.: ИФ РАН, 2009. 205 с.

Киященко Л.П., Тищенко П.Д. Эллипсис междуречья: опыт био-цепто-графии // *Языки культур: образ-понятие-образ.* СПб.: РХГА, 2009. С. 129–155.

Киященко Л.П. Этнос постнеклассической науки // *Этнос науки.* М.: Academia, 2008. С. 205–234.

Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Б.И. Пружинина / Ред.: Н.С. Автономова, Т.Г. Щедрина. М.: Полит. энцикл., 2014. 599 с.

Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. М.: Прогресс, 1977. 300 с.

Куряев В.И., Лазарев Ф.В. Точность, истина и рост знания М.: Наука, 1988. 348 с.

Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 2005. 68 с.

Луман Н. Дифференция. М.: Логос, 2006. 320 с.

Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

Мамардашвили М.К. Необходимость себя. (Лекции. Статьи Филос. заметки). М.: Лабиринт, 1996. 432 с.

Мамардашвили М.К. Появление философии на фоне мифа // *Мамардашвили М.К.* Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000. С. 37–53.

Марсель Г. Опыт конкретной философии / Пер. с фр. В.П. Большакова. М.: Республика, 2004. 224 с.

Матурана У., Варела Ф. Дерево познания / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

Мерло-Понти М. В защиту философии. М.: Изд-во гуманитар. лит., 1996. 248 с.

Мерло-Понти М. Око и дух / Пер. с фр., предисл. и коммент. А.В. Густыря. М.: Искусство, 1992. 63 с.

Мирская Э.З. Этнос науки: идеальные нормативы и повседневные реалии // Этнос науки / Отв. ред. Л.П. Киященко, Е.З. Мирская. М.: Academia, 2007. URL: www.courier-edu.ru/cour0904/1161.htm (дата обращения: 05.11.2017).

Молчанов В.И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2004. 328 с.

Неретина С.С. Концепт // Новая филос. энцикл.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 306–307.

Неретина С., Огурцов А. Пути к универсалиям. СПб: РХГА, 2006. 1000 с.

Ницше Ф. По ту сторону добра и зла; Казус Вагнер; Антихрист; Эссе Номо: сб. / Пер. с нем. Н. Полилов, В.А. Флерова, Ю.М. Антоновский. Минск: ООО «Попурри», 1997. 544 с.

Новейший философский словарь. Постмодернизм / Гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Минск, 2007. 816 с.

Новосёлов М.М. Абстракция в лабиринтах познания. Логический анализ. 2-е изд. М.: Идея-Пресс, 2010. 410 с.

Огурцов А.П. Дивергенция и конвергенция концепций дискурса – их эпистемические основания (ст. 1-я) // Методология науки и дискурс-анализ / Отв. ред. А.П. Огурцов. М.: ИФ РАН, 2014. С. 7–47.

Огурцов А.П. Тематизация // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. С. 965–966.

Ойзерман Т.И. Амбивалентность великих философских учений (К характеристике философских систем Канта и Гегеля) // Вопр. философии. 2008. № 11. С. 32–44.

Ойзерман Т.И. Амбивалентность философии. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. 400 с.

Орлов Д.У. Природа миметического события // Античный мимесис. Сб. ст., посвящ. памяти К.А. Сергеева СПб.: Санкт-Петербург. филос. о-во, 2008. С. 189–190.

Пирс Ч. Элементы логики. *Grammatica speculativa* // Семиотика. Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 151–210.

Порус В.Н. От междисциплинарности к трансдисциплинарности: мосты между философией науки и философией культуры // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 416–433.

Постмодернизм. Энцикл. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. 1040 с.

Пружинин Б.И. Трансдисциплинарность в контексте дихотомии прикладного и фундаментального в науке // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 252–262.

Рабинович В. Культура как творчество // *Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Т. I: Теория культуры / Отв. ред. Дм. Спивак.* СПб.: Алетейя, 2008. С. 242–250.

Разинов Ю.А. «Я» как объективная ошибка. Самара: Изд. Университет. групп, 2006. 262 с.

Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: Изд. центр «Academia», 1995. 160 с.

Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение. Живая метафора // *Теория метафоры.* М.: Прогресс, 1990. С. 435–456.

Рикёр П. Я – сам как другой. М.: Изд-во гуманитар. лит., 2008. 416 с. («Французская философия XX века»).

Ричардс А.А. Философия риторики // *Теория метафоры.* М.: Прогресс, 1990. С. 44–67.

Розов М.А. Пути научных открытий // *Реальность как социальные эстафеты (памяти М.А. Розова).* X Сократические чтения. Сб. докл. / Ред. В.А. Шупер. М.: Эслан, 2015. 180 с.

Свирский Я.И. Нелинейное естествознание и трансцендентальный эмпиризм // *Нелинейная динамика и постнеклассическая наука.* М., 2003. С. 54–76.

Свирский Я.И. Самоорганизация смысла. (Опыт синергетической онтологии). М.: ИФ РАН, 2001. 181 с.

Свирский Я.И. Трансдисциплинарность: на распутье между трансцендентным и имманентным // *Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца.* М.: Навигатор, 2015. С. 236–252.

Сидорова Т.А. Трансинтервальность нормы в биоэтике // *Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца.* М.: Навигатор, 2015. С. 346–361.

Соколов Б.Г. Тематизация дисциплинарного пространства культуры // *Формирование дисциплинарного пространства культурологии.* Вып. 11: Материалы научно-метод. конф. (г. Санкт-Петербург, 16 янв. 2001 г.). СПб.: Санкт-Петербург. филос. о-во, 2001. С. 157–163.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // *Язык и Наука конца XX века.* Сб. ст. М.: РГГУ, 1995. 432 с.

Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.

Степин В.С. Философская антропология и философия науки М.: Высш. шк., 1992. 191 с.

Тищенко П.Д. Время и онтология «Да будет» (Fiat!) // Синергетика времени. Междисциплинарный подход. М.: Репрофикс, 2007. С. 22–51.

Тищенко П.Д. Трансдисциплинарность и/или трансдуктивность: контекст языка // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 469–483.

Тодоров Ц. Семиотика литературы // Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 371–375.

Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. 564 с.

Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / Сост., предисл., пер. с англ., нем., пол. яз.; общ. ред. В.Н. Поруса. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуал. кн., 1999. 220 с.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 448 с.

Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? / Пер. с нем. М.: Весь Мир, 2002. 144 с.

Хайдеггер М. Время картины мира // *Хайдеггер М.* Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем.; коммент. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 41–63.

Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М.: Рус. феноменол. о-во, 1997. 165 с.

Хайдеггер М. Наука и осмысление // *Хайдеггер М.* Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем.; коммент. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 238–253.

Хайдеггер М. О существе основания / Пер. с нем. В.В. Библихина // Философия в поисках онтологии: сб. тр. Вып. 5. Самара, 1998. С. 78–130.

Хайдеггер М. Слово // Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем.; коммент. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 302–312.

Холтон Дж. Тематический анализ науки. М.: Прогресс. 1981. 384 с.

Эшштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое лит. обозрение. 2004. 864 с.

Юдин Б.Г. Трансдисциплинарный характер гуманитарной экспертизы // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 319–333.

Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 89–105.

Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., пол. яз. Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 110–132.

Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Peter Scott P., Trow M. The new production of knowledge: the dynamics of science and research in contemporary societies. L.: Sage, 1994. 91p.

Charter of Transdisciplinarity//Freitas L. de, Morin E., and Nicolescu B. (Eds.). Transdisciplinarity: Theory and Practice. Cresskill, NJ, 2008. P. 261–265. Online at <http://ciet-transdisciplinarity.org/chart.php#en> (accessed at January 18, 2015)

Emerging Models for the Entrepreneurial University: Regional Diversities or Global Convergence. The conference will be organized by National University of Singapore (NUS) Enterprise in Singapore // The 6th Biennial International Triple Helix Conference on University-Industry Government-Links will be held in Singapore from May16-18, 2007.

Erno-Kjolhede E. Scientific norms as (dis)integrators of scientists? // MPP Working Paper. 2000. No. 4. URL<http://openarchive.cbs.dk/handle/10398/6394> (дата обращения: 05.11.2017).

Etzkowitz H., Leydesdorff L. The dynamics of innovation: from National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix of university-industry-government relations // Research Policy. 2000. Vol. 29. P. 109–123.

Funtowicz S. O., Ravetz J.R. Science for the Post-Normal Age // Futures. 25/7 September. 1993. P. 739–755.

Hacking I. «Style» for Historians and Philosophers // Studies in History and Philosophy of Science. 1992. Vol. 23. No. 1. P. 1–20

Hagstrom W. The Scientific Community. N. Y.: Basic Book, 1965. 304 p.
Handbook of Transdisciplinary Research. A Proposition by the Swiss Academies of Arts and Sciences.//Hirsch Hadorn G., Hoffmann-Riem H., Biber-Klemm S., Grossenbacher W., Joye D., Pohl C., et al. (Eds.) Heidelberg: Springer, 2008. 448p.

Jantsch E. Towards interdisciplinarity and transdisciplinarity in education and innovation // L. Apostel, G. Berger, A. Briggs & G Michaud (Eds.), Interdisciplinarity: Problems of teaching and research in universities. Nice: University of Nice 1972.P. 97–121.

Keestra M. Understanding human action. Integrating meanings, mechanisms, causes, and contexts // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 201–235.

King L. Why is Separation of the Three Helices Important? // The Institute for Triple Helix Innovation. 2008. 12.08. URL: www.triplehelixinstitute.org. (дата обращения: 05.11.2017)

Klein J.T. Evaluation of Interdisciplinary and Transdisciplinary Research. A Literature Review // American Journal of Preventive Medicine. 2008. Vol. 35. No. 2

Klein J.T. Interdisciplinarity: history, theory, and practice. Detroit MI: Wayne State University Press, 1990. 331 p.

Klein J.T., et al., Transdisciplinarity: Joint problem solving among science, technology, and society. An effective way for managing complexity. Basel, 2001. 273p.

Lewontin R. The Triple Helix: Gene, Organism, and Environment. Harvard University Press, 2000. 144 p.

Max-Neef M. Commentary Foundation of Transdisciplinary // Ecological Economics. 2005. P. 5–16.

Merton R.K. The Ambivalence of Scientists // Science and Society / Ed. N. Kaplan. Chicago: Rand McNally, 1965. P. 112–130.

Merton R. The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations. Chicago, 1973. 270 p.

Nicolescu B. The Hidden Third and the Multiple Splendor of Being // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 61–79.

Nicolescu B. From Modernity to Cosmodernity – Science, Culture, and Spirituality. State University of New York, 2014. 282 p.

Nicolescu B. Manifesto of Transdisciplinarity. Albany, NY, 2002. P. 17.

Nicolescu B. Methodology of Transdisciplinarity – Levels of Reality, Logic of The Included Middle and Complexity // Transdisciplinary Journal of Engineering & Science. 2010. Vol. 1. No. 1. P. 17–32.

Nicolescu B. Transdisciplinarity: past, present and future//B. Haverkort & C. Reijntjes (Eds.), Moving Worldviews – Reshaping sciences, policies and practices for endogenous sustainable Development. 2006. P. 142–166.

Nicolescu B. Transdisciplinarity as Methodological Framework for Going Beyond the Science-Religion Debate. URL: www.metanexus.net/magazine/tabid/68/id/10013/ (дата обращения: 05.11.2017).

Piaget J. Epistemology of Interdisciplinary Relations. In: L'épistémologie des relations interdisciplinaires // L'interdisciplinarité – Problèmes d'enseignement et de recherche dans les universités. Paris: OCDE, 1970.

Pohl C., Hadorn G. Principles for Designing Transdisciplinary Research. 120 Seiten, oekom verlag München, 2007. URL: <https://www.oekom.de/.../principles-for-designing-transdisci...> (дата обращения 05.11.2017)

Pohl Ch. What is progress in Transdisciplinary research? // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Издательский дом «Навигатор», 2015. С.451–468.

Scholz R.W. Environmental Literacy in Science and Society. From Knowledge to Decisions. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 631 p.

Scholz R.W. Mutual learning as a basic principle of transdisciplinarity // R.W. Scholz, R. Häberli, A. Bill & M. Welti (Eds.). Transdisciplinarity: Joint problem-solving among science, technology and society. Workbook II: Mutual learning sessions. Zürich: Haffmans Sachbuch, 2000. P. 13–17.

Scholz M.O. Transdisciplinarity in groundwater management: Towards mutual learning of science and society // Water, Air, and Soil Pollution. 2000. 123(1–4). P. 477–487.

Scholz, Lang, Wiek, Walter, Stauffacher. Transdisciplinary case studies as a means of sustainability learning: Historical framework and theory // International Journal of Sustainability in Higher Education. 2006. 7(3). P. 226–251.

Shinn T. The Triple Helix and new production of knowledge: prepackaged thinking on science and technology // Social Studies of Science. 2002. Vol. 32. P. 599–614.

Wittgenstein L. Remarks on Fraser's «Qolden Bough». N. Y.: Atlantic Nighlods, 1949. P. VI.

Events. Personality. Time. **(To the philosophy of transdisciplinarity)**

Larisa Kiyashchenko

Larisa P. Kiyashchenko – Doctor of Philosophy, leading researcher of the sector of cross-disciplinary problems of scientific and technical development. Institute of philosophy of RAS. Russian Federation, 109240, Moscow, Goncharnaya St., 12, p. 1; e-mail: Larisakiyashchenko@gmail.com

The book summarizes the substantial research of the problem of transdisciplinarity, which the author leads for nearly 20 years. The concept of “transdisciplinarity” captures the transformation in the field of scientific knowledge and modern cognitive strategies in general, and their philosophical reflection, raising the problem of reconciling different types of knowledge, different cognitive styles, different patterns of the world. Since we are talking about a whole range of occurring before our eyes changes the methodological and, more broadly, paradigmatic and conceptual nature, the concept of transdisciplinarity is still ambiguous.

Three key words (event, personality, and time) in the title of the book give a hint for understanding how presented in it discussion lays a way towards philosophy of transdisciplinarity. Those words are used as defined points for transdisciplinary space “scale of measurements” in which dynamics of interactions of multiple scientific and non-scientific discourses could be based. The specific feature of the used perspective for philosophical reflections is the parallel tracking of personal author’s understanding of this movement from the prospect of the first person and the reflection discharged from a position of the third party over tendencies of development of postnonclassical science in general. The counterpoint of the chosen foreshortenings, their simultaneous accord gives rise to a complex polyphonic book content stylistics. Thematization of reasoning following the order of words – “event”, “personality” and “time” produces an explication of their semantics through out mutual interpretation (reflection in each other). This semantic net of interactions is explained with of a threefold spiral (Triple Helix) model which was used not only in biology, but also in the concept of transdisciplinary interactions of the universities, business and government structures of Henry Etzkowitz.

However, a task which puts before itself the author of the book is not confined to the analysis of the current educational situation and obtaining of the diagnosis, describing it’s condition. The goal of the author is to show the scale and depth of occurring changes, their cultural and programmatic nature that is expressed in the construction of a theory or concept, and the philosophy

of transdisciplinarity. Reference points of this philosophical reconstruction of the notions of time, but rather the chronotope, events, and personalities, and methodologically, it is based on the principle, consistently evolving within the framework of nonclassical and postnonclassical rationality, namely, the combination of objectivist (third person) and personal (first person) plans for consideration. This principle determines the form of the narrative as a “bioconceptography” and involves the selection, along with the stages and peculiarities of development of philosophy of science, stages and specifics of their own research path.

The book consists of an introduction explaining the methodology and a preliminary analysis of the “theming” in the terminology of the author – issues of transdisciplinarity and five sections. Sections consistently reveal issues of paradoxes of transdisciplinarity (section 1), the chronotope of transdisciplinary experience (section 2), its community (section 3), the position and the role of the individual in this experiment (section 4), and the shape and peculiarities of speaking in the framework of the philosophy of transdisciplinarity (section 5).

The monograph is intended for a professional audience of experts in the field of philosophy of science, epistemology, philosophical anthropology, cultural studies, as well as scientists from various nonphilosophical disciplines – to the extent that they are interested in methodological, epistemological and philosophical problems of science as a cognitive and cultural phenomenon.

Keywords: philosophy of transdisciplinarity, event, personality, time, postnonclassical rationality, bioconceptography, ethos, paradox, threefold spiral, chronotope, rhetorician, natural language

Научное издание

Киященко Лариса Павловна

Событие. Личность. Время

(К философии трансдисциплинарности)

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художники: *В.Я. Фомин, Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *А.А. Гусева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 07.12.17.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman, Myriad Pro.

Усл. печ. л. 7,5. Уч.-изд. л. 5,89. Тираж 500 экз. Заказ № 30.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии

http://iphras.ru/books_arhiv.htm

